

ЦЕНТР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

КАФЕДРА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ACCADEMIA AMBROSIANA, CLASSE DI SLAVISTICA

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI «ROMA TRE», DIPARTIMENTO DI LINGUE, LETTERATURE E CULTURE STRANIERE
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РИМЕ (РОССОТРУДНИЧЕСТВО)

Седьмые Римские Кирилло- Методиевские чтения

Тезисы

РИМ — МИЛАН
6—11 ФЕВРАЛЯ 2017

*Научный руководитель семинара
Н. Запольская*

Наталья Ананьева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
ananewa.46@mail.ru

**Ars moriendi и ars vivendi в средневековых польских памятниках
(«Разговор магистра Поликарпа со смертью», «Жалобы умирающего»,
«Легенда о св. Алексее»)**

В докладе рассматриваются лексические особенности трёх стихотворных древнепольских памятников XV в., в которых переплетаются мотивы *ars moriendi* и *ars vivendi*: «Разговор магистра Поликарпа со смертью», «Жалобы умирающего», «Легенда о св. Алексее». Если в первых двух превалирует мотив *ars moriendi*, то в «Легенде о св. Алексее» главенствует тема достойной для христианина жизни. Одновременно эти памятники являются источником сведений о составе средневекового социума, повседневном быте его отдельных представителей, окружающей средневекового человека среде. Все 3 текста принадлежат к памятникам с региональными мазовецкими особенностями.

Ключевые слова: древнепольский язык, лексическая особенность, мазовизм.

1. Все 3 памятника относятся к XV в. и являются переводами с латинского (ср. «Dialogus magistri Policarpi cum Morte» — *Rozmowa magistra Polikarpa ze Śmiercią* — далее RP, *Vita sancti Allexij rikmice* — *Legenda o św. Aleksym* — далее LA) или чешского (ср. *O rozdělení dusze z tělem* — *Skarga // Žale umierającego* — далее SU). В докладе используется издание рукописных текстов в хрестоматии С. Вртель-Верчинского [Vrtel-Wierczyński 1969], но примеры приводятся в современной орфографии.

2. В указанных памятниках представлены некоторые особенности мазовецкого диалекта (из двух списков SU мы опираемся на плоцкий вариант, в котором, в отличие от силезско-моравских черт вроцлавского варианта, отражены мазовецкие особенности). К мазовизмам в этих памятниках относятся, в частности, начальные *je ≤ ja* и *re ≤ ra* (*jeptka* 'jabłka', *w jeptce* 'w jabłce' — совр. 'w jabłku' RP, *jeko* 'jako', *jełmużny* 'jałmużny' LA), форма 1 л.ед.ч. презенса *bierzę* «біоге» (по Т. Браерскому, характерная в XV–XVI вв. для Мазовья, Куяв и Великой Польши [Brajeriski 1995: 93–94]), мазовецко-малопольский переход *chw* в *f* (*faści* 'przechwała się', *ku fale* 'chwale', *lifnik* 'lichwnik', *filki* 'chwilki' RP, *fała* 'chwała' *była*, *wieliką tu fałę* 'chwałę' *dali*, *złe file* 'chwile', *ta fała* 'chwała' LA), мазовецко-малопольские формы с *gl ≤ dl* (*sią mogły* 'się modłył', *mgleją* 'mdleję' RP) и др.

3. Все 3 произведения стихотворные, написаны восьмисложником. В плоцкой рукописи SU начальные буквы каждого из 22-х четверостиший расположены в алфавитном порядке (от *a* до *z*). Строка под *s* в плоцкой рукописи отсутствует, для неё лишь оставлено свободное место. В этой же рукописи также представлено значительное число богемизмов (например, инфинитивы на *-ci* — чешск. *-ti*).

4. В рукописях LA и RP отсутствуют окончания. Для RP Я. Лось по тексту русского перевода к. XVI в. реконструировал польский вариант.

5. Тема *ars moriendi* в RP и SU является центральной, а мотив *ars vivendi* маргинальным, в тот время как в LA соотношение указанных мотивов противоположное: *ars vivendi* является лейтмотивом, а тема *ars moriendi* находится на периферии.

6. Неотвратимый характер смерти наиболее ярко представлен в RP, где персонифицированная смерть, явившаяся по просьбе магистра Поликарпа в храм, где он молится, рассказывает о своей всепоглощающей силе («*Morzę wszystko ludzkie plemię*», — говорит смерть). Приводится «*obraz szkarady*» (отвратительный образ) смерти, соответствующий её изображению в сюжетах *dance macabre*: *chuda, blada, żółte lice* «худая, бледная, жёлтое лицо», *łści się jako miednica* «блестит как медный таз», *wpadł jej koniec nosa* «провалился у неё кончик носа», *z oczu płynie krwawa rosa* «из глаз течёт кровавая роса», *jako samojedź krzywoustą* «как людоед криворотая», *nie było warg u jej gęby* «у лица её не было губ», *zgrzyta zęby* «скрежещет зубами», в руке у неё *groźna kosa* «грозная коса», *goła głowa* «голая голова», *przykra mowa* «неприятная речь», *wypięła żebra i kości* «у неё выпирают рёбра и кости» и т.д. Действия смерти характеризуют глаголы анигиллятивной или деструктивной семантики: *morzyć* «умерщвлять», *zaniszczać w żywocie* «лишать жизни», *siec* «косить, сечь», *zbawić żywota* «лишить жизни», *zabić* «убить», *wieszać* «вешать», *ścinać* «обезглавливать, казнить», *(u)dawić* «(у)душить», *uciąć* «отрезать», *szkodzić w żywocie* «нанести вред; лишить жизни», *potracić* «поубивать, убить», *wbić na krzyż* «распять на кресте» и др. Наблюдается характерная для древнепольского языка вариативность глагольных префиксов: *uciąć* // *ściąć szyję*, *udawić* // *zdawić* «совр. *udławić*» и др. Употребляются и метафорические субституты глаголов-деструктивов: *być w szkole (śmierci)* «умереть». Смерть рассказывает о своём происхождении из яблока, которое сорвала Ева в райском саду (*W ten czas się ja poczęła, Gdy ewa jabłko ruszyła, Adamowi jeptka dała, a ja w onem jeptku była*). RP изобилует номинациями лиц, различающихся по полу, тем или иным физическим и психическим качествам, социальному статусу и профессиям. Всех их объединяет общая смертная участь. «*Mors dicit: morzę mądre i też wily*» («я умерщвляю умных и глупцов»), *bądź to stary albo młody* («будь то старый или молодой»), *i chorego i zdrowego* («и больного, и здорового»), *bądź ubodzy i bogaczy* («будь то бедные или богатые»), *siekę doktory i mistrze* («я кошу врачей и магистров»), *wojewody i cześniki* («воевод и подчасших»), *bądź książęta abo grabie* («будь то князья или графы»). Смерть бывает и в императорских покоях («*w cesarskiej sieni*»), снимает короны с королей («*ja z króla koronę semknę*»). В вихрь смертельной пляски (не случайно в тексте смерть говорит о себе, употребив глагол *pląsać* «плясать»: *z kosą pląsać*) вовлечены все сословия: от «*nalizszego żebraka*» (самого захудалого нищего) до римского папы (*papieża*). Ср. некоторые *nomina personalia*: *rzemieślnik*, *kupiec*, *oracz* «пахарь», *zdradźca* «предатель», *lifnik* «ростовщик», *karczmaz* «корчмарь», *łotr* «разбойник», *kardynał* «кардинал», *biskup* «епископ», *kanonik*, *proboszcz* «приходской священник», *sufragan* «викарий», *mnich* «монах», *opat* «аббат», *pleban*, *rostocharz* «торговец лошадьми», *szlachcic* «шляхтич», *sędzia* «судья», *podśedek* «помощник судьи, подсудок», *filozof*, *gwiazdarcz* «астролог, астроном». Поскольку смерть уничтожает всё живое, в тексте представлены также номинации животных и птиц (*liszki* «лисы», *kuny* «куницы», *wiewiórki* «белки», *wilki* «волки», *gronostaje* «горностаи», *sarny* «косули», *żórawie* «журавли» и др.) Перечисляются имена библейских персонажей и исторических лиц, которые тоже оказались «в школе» смерти (Голиаф, Самсон, Иуда, Соломон и др.). Единственный человек, который «смертью смерть поправ», был Иисус («*Ten jeden mą kosę zwyciężył*», — говорит смерть). Также более радостен удел «хороших монахов» (в

отличие от «złych mnichów»), которые, хотя и не избегнут общей смертной участи, но, когда придёт день Страшного суда, они «*idą w niebieskie radości, a nie piekielne żalości*». В образе Христа и не страшась смерти «хороших монахов» реализуется мотив *ars vivendi*.

Помимо лексической репрезентации мотивов *ars moriendi* и *ars vivendi*, в тексте RP представлен широкий круг лексики, связанной с повседневной жизнью средневекового человека (названия одежды, целебных трав, предметов быта, оружия и др.): даже смерть появляется, имея на голове платок (*chusta*) и подпоясанная куском полотна (*łoktusza*). Таким образом, RP (и также SU и LA) являются ценнейшими источниками для изучения различных слоёв древнепольской лексики.

Литература

Brajerski 1995 — Brajerski T. Staropolskie bierzę i dzisiejsze bierzę «biorę» // Brajersi T. O języku polskim dawnym i dsisiejszym. Lublin, 1995. S. 92–94.

Vrtel-Wierczyński — 1969 Vrtel-Wierczyński S. Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do r. 1543. Warszawa, 1969.

Natalia Ananeva

Moscow State University Lomonosov, Russia

ananeva.46@mail.ru

Ars Moriendi and Ars Vivendi in Medieval Polish Literary Monuments ("Master Polucarp's Talk with Death", "Complaints of the Dying", "The Legend of Snt. Alexey")

The report reviews lexical peculiarities of the three pieces of poetry of the ancient polish literary monuments of the XV-th century, in which the motives of *ars moriendi* and *ars vivendi* are closely interwoven: "Master Polucarp's Talk with Death", "Complaints of the Dying", "The Legend of Snt. Alexey". If in the first two pieces the *ars moriendi* motive prevails, in "The Legend of Snt. Alexey" it is the motive of life worthy for a real cristian that dominates. At the same time these literary monuments are a source of information about the social structure of the medieval community, about everyday life of its individual citizens and their environment. All the three pieces relate to literary monuments with peculiarities of Mazovets region.

Key words: *ancient Polish, lexical feature, mazovism*

References

Brajerski 1995 — Brajerski T. Staropolskie bierzę i dzisiejsze bierzę «biorę» // Brajersi T. O języku polskim dawnym i dsisiejszym. Lublin, 1995. S. 92–94.

Vrtel-Wierczyński 1969 — Vrtel-Wierczyński S. Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do r. 1543. Warszawa, 1969.

Галина Баранкова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия

barankova@inbox.ru

Оригинальное и заимствованное в творчестве Кирилла Туровского*

В докладе рассматриваются вопросы, связанные с компиляторской деятельностью Кирилла Туровского и его ориентацией на византийские и южнославянские образцы. Анализируются методы заимствования и переработки Кириллом Туровским византийского и древнеболгарского книжного наследия, а также выявляются оригинальные черты его повествовательных и риторических произведений, составившие ему славу русского Златоуста.

Ключевые слова: компиляция, заимствование, авторский стиль, Кирилл Туровский

Вопрос о соотношении заимствованного и оригинального начал в творчестве Кирилла Туровского не раз обсуждался в работах, посвященных его сочинениям. При этом почти все источники его произведений, как повествовательных (*Притчи о душе и теле*, *Повести о беспечном царе и его мудром советнике*, *Сказания о черноризском чине*), так и риторических (в их числе восемь бесспорно принадлежащих ему *Слов*) выявлены исследователями в большей или меньшей степени [Виноградов 1915, Еремин 1955, 1956, 1957, Николова 1988, Сон Джонг Со 2003 и др.]. Исследователи отмечали зависимость того или иного произведения Кирилла Туровского от византийских, реже южнославянских произведений, но почти не предпринимали попыток сопоставительного анализа нарративных и риторических произведений с целью выявления особенностей авторского стиля этого писателя и общих приемов его компиляции. Следует отметить, что за редким исключением Кирилл пользуется готовым сюжетом: для двух его повествовательных произведений — *Притчи* и *Повести* — это проложные притчи, для большинства *Слов* — евангельские сюжеты, дополненные и обработанные им в духе переводных византийских источников.

Степень следования этим образцам не раз подчеркивается самим автором как в заголовках, так и в текстах самих произведений: «Кирила Мниха слово на святую пасху въ свѣтоносный день въскресения Христова от пророческихъ сказаний», «Сиде же мнѣ о сихъ сказавшю, не от умышляя, но от святыхъ книгъ, да нѣсть се мое слово но *бесѣда*, нѣсмъ бо учитель якоже они церковнии священни мужи (*Притча*, л. 294в[”])», «Не бо мы сеи повести творцы есмы, но от богодухновенныхъ взирающе писании» (*Повесть*, л. 78) и т.п. Говоря о своем сочинении как о беседе, Кирилл делает акцент на толкованиях, которые он добавляет в тексты и которые составляют главную цель его повествования. Таким образом, статус заимствований только повышает ценность произведений в глазах читателей независимо от его жанровой принадлежности.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00127а «Творческое наследие древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского: повествовательные произведения и ораторская проза».

** Здесь и далее текст *Притчи* цитируется по списку ГИМ, собр. Чудовское, № 20, XIV в., *Повести* — ГИМ, собр. Синодальное, № 935, XVI в.

Следует отметить прекрасное знание Кириллом византийского и южнославянского книжного наследия, использование в его творчестве сочинений Тита Бострского, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Епифания Кипрского, Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского и других авторов. Вероятнее всего, произведения византийских писателей использовались Кириллом не в греческих оригиналах, а в их южнославянских или древнерусских переводах. В то же время включение отрывков из этих произведений в *Слова* не создает впечатление разнородности и даже разностильности, поскольку Кирилл умело перерабатывал их, подчиняя своему общему замыслу, создавая не мозаичную картину, а самостоятельные высокохудожественные и поэтические произведения.

Это достигалось за счет ряда приемов, используемых в его повествовательных и риторических произведениях, среди которых можно назвать следующие: умелый выбор формы толкования в соответствии с содержанием произведения, обилие толкований и их расширенный характер по сравнению с источником; использование в ряде случаев диалогической формы, придающей большую выразительность повествованию; насыщенность разнообразными деталями, отсутствующими в первоисточнике; использование нравоучительных сентенций, выраженных, как правило, в иносказательной форме и искусно вплетенных в текст повествования; наконец, мастерское использование выразительных средств языка (синонимов, стилистических фигур и т.п.).

Для *Притчи*, основанной на определении соотношения телесного и духовного начал в человеке, Кирилл избрал форму толкования, применяемую в *Шестодневах*. Он опирался на комментарии ко 2 главе книги Бытие. Используемым источником в этом случае являлся *Шестоднев* Иоанна экзарха Болгарского, в той его части, которая представляла перевод из *Шестоднева* Севериана Гавальского. Толкования Кирилла оригинальны и подчинены общему замыслу произведения — показать дуальность природы человека. Это позволило Кириллу кратко обрисовать картину мира, хозяином которого должен стать человек, показать историю его грехопадения и пути спасения. Занимательная сюжетная основа, заимствованная из *Притчи о душе и теле*, оказалась тесно связанной с библейской историей создания человека. Греховность человеческой природы может привести к прегрешениям и заблуждениям священнослужителей. Как Адам был изгнан из рая за то, что «преже освящения на святая дерзнувь», так и церковник, ради высокого сана и земной славы вопреки Божьему закону взошедший на епископский стол, будет изгнан с него. Прием экзегезы позволил Кириллу перейти к обличению священнослужителей, не достойных высокого сана. Для *Повести* характерны более пространные, чем в соответствующей проложной притче, толкования. Писатель вводит новые антропологические аллегории. Так, град, в котором случился мятеж, — это человеческое тело, созданное Богом; люди во граде — чувства (слух, зрение, обоняние, вкус, осязание и «нижня теплоты свирепство»). Если в проложной притче царь выступает язычником, то в *Повести* Кирилла царь — это ум, владеющий всем телом и повелевающий своими подданными — чувствами. Г. Подскальски обратил внимание на некоторое сходство этого фрагмента *Повести* с *Посланием* митрополита Никифора Владимиру Мономаху о посте и воздержании чувств [Подскальски 1996: 252], не конкретизируя его. Однако сходство состоит

лишь в обращении обоих авторов к антропологической проблематике, которая по-разному используется ими. Если в *Послании* Никифор испытывает пять чувств князя и находит их совершенными, направленными на то, чтобы творить добро, то Кирилл Туровский подчеркивает плотский характер чувств, приводящих к духовной гибели человека.

В *Слове на неделю Фомину*, используя *Слово Григория Богослова на Новую неделю* [Виноградов 1915: 109–113], Кирилл не только насыщает разнообразными деталями скудную картину весеннего пробуждения природы, данную Григорием, но и сосредоточивает основное внимание на противопоставлении мира физического духовному. В качестве примера можно привести аллегорическое изображение монашества, к которому автор многократно обращается в своих произведениях, как трудолюбивой пчелы, «живущей в пустынях самокормлею» и доставляющей всем людям «сладость». В *Слове о расслабленном* Кирилл мастерски использует форму диалога, что придает его сочинению по сравнению с одноименным *Словом* Иоанна Златоуста драматизм и динамизм повествования.

Следует обратить внимание на одну характерную особенность авторского стиля писателя: к каждому своему толкованию Кирилл присоединяет библейскую или евангельскую цитату, иногда сразу несколько. Такой прием широко используется Кириллом и в *Притче*, и в *Повести*, насыщенной аллегорическими толкованиями, менее в *Словах*: олицетворение монашеского чина в образе мужа в худом рубище сопровождается цитатой из Мф. 11: 8. Аллегорическое изображение Христа как мужа, стоящего на высоком камне, сопровождается цитатой из Иер.17: 9 и т.д.

Литература

Виноградов 1915 — Виноградов В.П. Уставные чтения. Вып. 3. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915. С. 97–178.

Еремин 1955, 1956, 1957 — Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XI–XIII. М.; Л., 1955–1957.

Николова 1988 — Николова С. Кирил Туровски и южнославянската книжина // Palaeobulgarica София, 1988. С. 25–39.

Подскальски 1996 — Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.

Сон Джонг Со 2003 — Сон Джонг Со. Еще раз о соотношении двух древнерусских редакций Притчи о слепце и хромце (Проложная статья и Слово Кирилла Туровского) // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003. С. 396–398.

Galina Barankova

Vinogradov Institute of the Russian language of the Russian Academy of Sciences, Russia
barankova@inbox.ru

Originality and Adoption in the works of Cyril of Turov

The questions related to the activity of the compilation of Cyril and his preference for the Byzantine and South Slavic samples are examined. The Cyril's methods of compilation and processing for the Byzantine and Old Bulgarian book her-

itage are analyzed. Also original features of his narrative and rhetorical works, making glory of Russian Chrysostom, come to light.

Key words: *compilation, adoption, author's style, Cyril of Turov*

References

Vinogradov 1915 — Vinogradov V.P. Ustavnye chteniya. Vyp. 3. Ocherki po istorii greko-slavyanskoi tserkovno-uchitel'noi literatury. Sergiev Posad, 1915. S. 97–178.

Eremin 1955, 1956, 1957 — Eremin I.P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo // TODRL. T. XI–XIII. M.; L., 1955–1957.

Nikolova 1988 — Nikolova S. Kiril Turovski i yuzhnoslavlyanskata knizhnina // Palaeobulgarica Sofiya, 1988. S. 25–39.

Podskal'ski 1996 — Podskal'ski G. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoi Rusi (988–1237 gg.). SPb., 1996.

Son Dzhong So 2003 — *Son Dzhong So. Eshche raz o sootnoshenii dvukh drevnerusskikh redaktsii Pritchi o sleptse i khromtse (Prolozhnaya stat'ya i Slovo Kirilla Turovskogo)* // TODRL. T. 54. SPb., 2003. S. 396–398.

Мария Кристина Брагоне

Университет Павии, Италия
mariacristina.bragone@unipv.it

Два перевода Петровского времени сочинения *Historia Alexandri Magni regis Macedonum* Квинта Курция Руфа

В докладе рассматриваются два перевода сочинения Петровского времени *Historia Alexandri Magni regis Macedonum* Квинта Курция Руфа. Первый перевод, подготовленный Ильей Копиевским в конце XVII - первой четверти XVIII в., сохранился в рукописном виде. Второй перевод, анонимный, вышел в Москве в 1709 г. В центре внимания доклада находятся языковые особенности двух переводов.

Ключевые слова: *Петровское время, Александр Македонский, переводческая деятельность, Илья Копиевский, языковая ситуация*

В докладе рассматриваются два перевода сочинения Петровского времени *Historia Alexandri Magni regis Macedonum* римского историка Квинта Курция Руфа. Первый перевод, озаглавленный *О славныхъ дѣльхъ воинскихъ Александра Великаго Македонскаго*, был составлен Ильей Копиевским, вероятно, в конце XVII - первой четверти XVIII в. Он принадлежал библиотеке Петра I. Другой перевод сочинения Курция Руфа, анонимный, озаглавлен *Книга Квинта Курция о дѣлахъ содѣянныхъ Александра Великаго царя македонскаго*. Он вышел в Москве в 1709 г. и был осуществлен “повелением” царя. Этот перевод пользовался успехом: в течение XVIII в. он был переиздан 4 раза.

После краткого рассмотрения значения образа Александра Македонского в культуре Петровского времени, предметом внимания доклада будет история создания двух переводов и анализ их языковых особенностей.

Особый интерес представляет сопоставление переводов и выявление их языковых особенностей. Оба перевода выделяются неоднородным подхо-

дом к исходному тексту: переводчики, с одной стороны, передают дословно оригинал, а с другой, упрощают или объясняют его.

Перевод Копиевского содержит в основном книжные элементы, в то время как печатный перевод характеризуется присутствием некнижных элементов, соответствуя, таким образом, требованиям языковой политики Петра I.

Анализ и сопоставление двух переводов сочинения Квинта Курция Руфа о Александре Македонском представляют собой вклад в изучение языковой ситуации эпохи Петра I.

Источники

Квинт Курций Руф. *О славныхъ дѣльхъ воинскихъ Александра Великаго Македонскаго*, перевод Ильи Копиевского (БАН, П.І.В N. 81; 265 л.; автограф).

Квинт Курций Руф. *Книга Квинта Курция о дѣлахъ содѣяныхъ Александра Великаго царя македонскаго*, Москва, 1709.

Quintus Curtius Rufus. *De rebus gestis Alexandri Magni, cum commentariis ... Freinshemii*, Lugduni Batavorum, 1696.

Maria Kristina Bragone

University of Pavia, Italy

mariacristina.bragone@unipv.it

Two translations of Quintus Curtius Rufus' Historia Alexandri Magni Regis Macedonum

*The presentation examines two translations of Quintus Curtius Rufus' **Historia Alexandri Magni Regis Macedonum** established during the reign of Peter the Great: The first translation, crafted by Il'ja Kopievskij at the end of the XVII - first quarter of the XVIII centuries, survived as a manuscript. The second, anonymous, translation was published 1709 in Moscow. The presentation focuses on linguistic aspects of these two translations.*

Key words: *Reign of Peter the Great, Alexander the Great, translations, Il'ja Kopievskij, language situation*

Sources

Квинт Куртсий Руф. *О славныхъ дѣльхъ воинскихъ Александра Великаго Мakedonsкаго*, перевод И'и Копиевского (БАН, П.І.В N. 81; 265 л.; автограф).

Квинт Куртсий Руф. *Книга Квинта Куртсия о дѣлахъ содѣяныхъ Александра Великаго tsarya makedonsкаго*, Москва, 1709.

Quintus Curtius Rufus. *De rebus gestis Alexandri Magni, cum commentariis ... Freinshemii*, Lugduni Batavorum, 1696.

Александра Вранеш
Универзитет у Београду, Србија
aleksandra.vranes@gmail.com

Љиљана Марковић
Универзитет у Београду, Србија
ljiljana.markovic@gmail.com

Словенски 18. век у библиографији Георгија Михаиловића

Михаиловићева Српска библиографија 18. века, као прва књига замашног националног библиографског пројекта, обухвата: 1. све што су Срби у 18. веку штампали на било ком језику; 2. издања државних власти за употребу и обавештавање Срба; 3. издавачке каталоге; 4. један превод српског писца на руски језик.

Кључне речи: *библиографија, 18. век, Георгије Михаиловић, словенска литература.*

Сачувани подаци, које су својевремено сакупљали Павле Поповић и његови сарадници, укључивани су поступно у ретроспективну библиографију коју у годинама након Другог светског рата, на иницијативу Друштва библиотекара Србије, а уз смернице Републичке комисије за израду српске ретроспективне библиографије, коју је образовао Савет за науку и културу НРС (19.7.1954), израђује Народна библиотека Србије (почев од 1.10.1954) за период од појаве прве српске штампарије у 15. веку до 1944. године. Поступност у изради библиографије проистицала је и из следеће периодизације: 1. Од прве штампане књиге 1494. до краја 17. века; 2. 18. век; 3. 1801–1867; 4. 1868–1944. Као прва књига овог замашног националног пројекта објављена је *Српска библиографија 18. века* Георгија Михаиловића [Михаиловић 1964], која је, како сведочи сам аутор, започета на подстицај Института за проучавање књижевности Српске академије наука. Библиографија је рађена углавном на основу Михаиловићеве личне библиотеке. Више од половине описаних књига Михаиловић је поседовао, а међу њима 44 су уникатне. Будући велики библиофил и библиограф, Михаиловић је књиге почео да сакупља одмах након бомбардовања српске националне библиотеке 1941. године и страдања библиотека фрушкогорских манастира. Његова библиотека, која је данас власништво Библиотеке Матице српске, броји преко 20000 књига, новина, часописа и друге грађе.

Михаиловићева *Српска библиографија 18. века* обухвата: «1. Све што су Срби у 18. веку путем штампе објавили на било ком језику: а) оригинална дела српских писаца; б) преводе страних писаца на једну од варијанти тадашњег српског књижевног језика, а штампане црквеном или грађанском ћирилицом; в) књиге за црквене потребе и верску поуку, без обзира на верску припадност, само ако су издате на црквенословенском или напред наведеном језику, а штампане црквеном, грађанском или брзописном ћирилицом; г) привилегије штампане о трошку Срба на латинском језику; д) сва остала; наша издања у 18. веку штампана црквеном или грађанском ћирилицом као: школске књиге и школски извештаји, новине, прокламације, календари, извештаји акционарских друштава, итд. 2. Издања државних власти за употребу и обавештење Срба, штампана црквеном или грађанском ћирилицом, као што су школске

књиге, закони, наредбе, санитарна упутства, прокламације и др. 3. Каталогзи наших књига изданих од штампарија. 4. Један превод српског писца на руски језик.» Тачност и прегледност карактеришу Михаиловићеву аотирану библиографију српских књига 18. века. Михаиловић је словенску и српску науку и културу задужио атрибуирањем песама Захарија Орфелина и разрешавањем важних библиографских проблема из историје српске књижевности. Темељно и концизно Михаиловић у предговору библиографији објашњава обухват, начин описивања грађе, основне изворе и своје узоре и претходнике, сопствене недоумице и утицаје рецензената и издавача. То је, с једне стране, објективна и зналачка анализа библиографија Лукијана Мушицког, Павла Шафарика, Стојана Новаковића и исправки Ђорђа Рајковића, с друге пак, објашњење методологије рада на библиографији, систематизације грађе (хронолошки), карактера библиографских јединица и потпуности библиографских извора, нарочито доступне архивске грађе. Анализа библиографских проблема настављена је уз сваку јединицу, због чега је ова библиографија и аотирана. Анотација се састоји од указивања на језик и писмо публикације, садржај књиге, друштвени контекст, стручна питања, историјске и теоријске дилеме, најважнију литературу и скраћеницу библиотеке у којој је књига сачувана. Извесна скраћења у опису (нарочито наслова) уведена су због илустровања текста насловном страном књиге, како не би дошло до дуплирања, мада то, како каже сам Михаиловић, није примерено научној библиографији. Лакше сналажење у библиографији омогућено је унакрсним регистром одредница, имена која се јављају у тексту јединица и литературе.

Литература

Михаиловић 1964 — *Михаиловић Г. Српска библиографија XVIII века*. Београд: Народна библиотека Србије, 1964.

Aleksandra Vranesh

University of Belgrade, Serbia
aleksandra.vranesh@gmail.com

Liliana Markovich

University of Belgrade, Serbia
lilijana.markovic@gmail.com

Slavic 18th century in the bibliography of Georgije Mihailovi

The Serbian Bibliography of the 18th Century by Georgije Mihailovic includes: 1. everything that the Serbs have published in any language through printing houses during the 18th century; 2. Issues of national authorities for the use and notification of Serbs; 3. Catalogs of our books issued by the printing houses.

Key words: *bibliography, 18th century, Georgije Mihailovic, Slavic literatures.*

References

Mikhailovich 1964 — *Mikhailovich G. Srpska bibliografija XVIII veka*. Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 1964.

Новый фрагмент текста «Книги Паломник» Антония Новгородского

«Книга паломник», путевые заметки Добрыни Ядрейковича, после своего возвращения из Царьграда возведенного на Новгородскую архиепископскую кафедру, известна как наиболее подробнейшее и в то же время весьма запутанное описание святынь Константинополя накануне разграбления его западными крестоносцами в 1204 г. В докладе предлагается возможная развязка путаницы, возникшей в связи с предположением двух редакций текста, и представляется новонайденный фрагмент списка «Книги».

Ключевые слова: издание, текстология.

При просмотре картотек и рукописных собраний музеев и библиотек Москвы и Санкт-Петербурга в рамках подготовки к изданию текста «Книга Паломник» недавно весьма неожиданно удалось выявить новый, до сих пор неизвестный фрагмент списка Антониевой «Книги», который входит в состав сборника историко-литературного содержания XVI в., хранящегося в рукописном отделе Московского Государственного Исторического Музея.

Таким образом, мы располагаем уже 10-ю, отчасти неполными списками этого произведения*, которое, как известно, является единственным дошедшим до нас описанием Константинопольских святынь славянского происхождения до разграбления города западными крестоносцами в 1204 году. Автор путевых заметок, Добрыня Ядрейкович, в будущем Новгородский архиепископ Антоний, совершил поездку в Константинополь между 1200–1204 гг. еще будучи мирянином, но, вероятно, уже известным политическим и церковным деятелем Новгорода.

Со времен последнего издания Антониевой «Книги» Х.М. Лопаревым в 1899 г. по четырем к тому времени известным спискам** принято считать, что текст дошел до нас в двух редакциях. С тех же пор обе редакции принято считать авторскими, хотя, как замечает О.А. Белоброва, это высказывание, впервые сделанное Лопаревым в его издании «Книги Паломник», «в сущности недоказательно». Предположение, сделанное Лопаревым и с тех пор поддерживаемое исследователями, будто Антоний создал первый вариант своих путевых заметок до разграбления города, а вторую редакцию после этого события, дабы запечатлеть в памяти облик столицы Византийской империи, основывается лишь на упоминании взятия города во второй редакции.

* Местонахождение еще одного, одиннадцатого списка, который был обнаружен А. И. Яцимирским в Румынии, до сих пор не известно. По словам Яцимирского, это «рукопись на румынском языке, содержащая описание путешествия архиепископа Антония, которое будет переведено на русский язык.» Эта информация была опубликована в 1899 г., но ни рукописи, ни ее перевода не последовало.

** Пятый список нашелся незадолго до завершения работы Лопарева и был включен в его издание в виде некомментированного текста, разночтения которого не вошли в само издание. Однако этот список вошел в изготвленную в этом же издании реконструкцию текста «Книги Паломник», см. стр. 41–69. Список этот, по палеографическим данным самый древний и относящийся к XVI в., был обнаружен Яцимирским, который, однако, отнес сборник, в котором находился интересующий нас текст, к XV в.

Однако, текстологический анализ всех на сегодняшний день известных источников не позволяет далее поддерживать *communis opinio*, так как он показывает, что текст так называемой второй редакции является отнюдь не умышленной авторской правкой, а лишь искаженным текстом первой редакции, возникшим в результате неисправности текста протографа и связанных с правкой этих искажений интерполяций позднего времени.

Таким образом, все списки «Книги» восходят к одному и тому же, недошедшему до нас архетипу. Идентичная последовательность лемм всех списков не дает основания предполагать два изначально существенно разных варианта текста. Сопоставление рукописей, скорее, показывает наличие одного, изначально исправно переписанного текста, страницы которого в последствии перепутались, а позднее и вовсе потерялись в одном из сбоников, явившимся протографом так называемой второй редакции.

Уже в некоторых списках т. н. первой редакции замечается перестановка текста, которую Белоброва убедительно объяснила выпавшими из сборника листами, впоследствии помещенными в том же сборнике не на своем месте. В предлагаемом докладе представляется результат текстологического анализа всех списков и обсуждается роль новонайденного фрагмента при решении вопроса возникновения т. н. второй редакции.

Литература
Белоброва 1974 -

Anna Zhuravel

Martin Luther University Halle-Wittenberg (Halle a.d. Saale), Germany
anna.jouravel@slavistik.uni-halle.de

A newly discovered manuscript fragment of the Pilgrim's book by Antony of Novgorod

The “Kniga Palomnik”, a pilgrim report from the early 13th century, written by Russian pilgrim Dobrynja Jadrejkovič (the future Archbishop Antony of Novgorod) is known as the most detailed and at the same time most confusing description of the sacred places and relics of Constantinople on the eve of its plunder and destruction in the fourth crusade in 1204. The presentation aims at introducing a possible explanation for the confusion, which emerged from the assumption of two different versions of the text as well as at presenting a recently-found fragment of the “Kniga”.

Key words: *critical edition, textology.*

References

Белоброва 1974 - Belobrova, O. A., «Kniga palomnik» Antoniia Novgorodskogo (K izucheniyu teksta). Trudy otdela drevnerusskoi literatury, XXIX (1974). S. 178–185.

Лопарев 1899 - Loparev, Kh. M. Kniga palomnik. Skazanie mĕst svyatykh vo Tsarigradĕ Antoniia Arkhiepiskopa Novgorodskago v 1200 godu (Pravoslavnyi Palkstinskii sbornik, 51, 17.3). Sankt Peterburg, 1899.

Прокофьев 1970 - Prokof'ev, N. I., Russkie khozhdeniya XII-XV vv. Uchenye zapiski gosudarsvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V.I. Lenina, 363 (1970). S. 3–95.

Наталья Запольская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт славяноведения РАН, Россия
zapolskaya_n@mail.ru*

**«Имманентная грамматика»
церковнославянского языка XI–XVII вв.: семантика и идеосемантика**

Доклад посвящен проблеме «имманентной» -- практической грамматики церковнославянского языка, реконструируемой на основе лингвистических решений, представленных в книжных текстах.

Ключевые слова: *церковнославянский язык, книжность, практическая (имманентная) грамматика, идеосемантика*

«Имманентная грамматика», как и «имманентная поэтика» [Аверинцев 1997: 3], являла собой совокупность лингвистических решений и определявших их установок, представленных в текстах, а не в метатекстах. Имманентно присущая самой книжно-языковой деятельности и, следовательно, возникшая с появлением первых текстов на церковнославянском языке, такая практическая грамматика реконструируется исследователями из самих текстов как результат «невывоженной» лингвистической рефлексии. По-разному понимаемая книжниками *правильность* языка достигалась, прежде всего, решением вопроса вариантности: выбиралась либо вариативность, либо унификация, либо дифференциация языковых элементов [Запольская 2008]. При дифференциации грамматических форм на исходную константную языковую семантику мог накладываться дополнительный, переменный, культурно отчуждаемый, идеологический семантический компонент, позволявший рассматривать языковые элементы в контексте «сакральное - профанное». Именно «идеосемантика» как «сумма познавательных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова» [Абаев 1934] определяет доминанту меняющейся во времени и пространстве культуры лингвистической рефлексии. В церковнославянских текстах XI–XVII вв. идеосемантическую нагруженность получали оппозиции функционально равноправных форм, некнижных и книжных форм, грамматически корректных и грамматически некорректных форм тех лексем, семантика которых раскрывалась именно в рамках конфессиональной культуры [Запольская 2013].

Идеосемантическую спецификацию имела, например, оппозиция книжных // некнижных форм (на -а /на -ѣ) ряда лексем ж.р. в грамматической позиции Им. мн. Так, в Мстиславовом евангелии форма Им. мн. **птицьѣ** читается в хронологически последовательных чтениях из трех евангелий (Мф. XIII: 3–4 — чтение на пятницу 4 недели по Пятидесятнице, Мк. IV: 3–4 — чтение на пятницу 12 недели по Пятидесятнице, Лк. VIII 5 — чтение на 4 воскре-

сенье Нового лета), содержащих *Притчу о сеятеле*: се изиде сѣѣи да сѣѣтъ. и сѣѣющоуоумж ово паде при поутти. и придоша птицѣ небснѣи и позобаша ꙗ (38а); слышите. се изиде сѣѣи да сѣѣтъ и высть сѣѣющоуоумж. ово паде на поутти и придоша птицѣ и позобаша ꙗ (57в); изиде сѣѣи сѣѣтъ семене своѣго. и ꙗгда сѣѣаше ово паде при поутти и попрыано высть. и птицѣ небснѣи позобаша ꙗ (78г). Представленное в тематически тождественных литургических отрывках единообразие грамматического оформления лексемы **птица** посредством флексии **-ѣ** могло быть мотивировано идеосемантической нагруженностью этой лексемы. В *Притче о сеятеле* «птицы небесные» — это демоны (дьявол), похищающие посеянное в душе того, кто не способен опустить в глубину своего сердца слово учения, а только держит его на поверхности, т.е. только выслушивает. Такое толкование, содержащееся во всех трех евангелиях, дает сам Христос, увещывая учеников не отчаиваться от того, что спасающихся меньше, чем погибающих, поскольку меньше тех, в ком вера укоренилась. Соответственно, фактом литургической практики и, как следствие, фактом коллективной «литургической памяти», являлась не только сама *Притча о сеятеле*, но ее толкование.

Идеосемантической нагруженностью лексема **птица** обладала и в *Притче о горчичном зерне*, однако с противоположным идеосемантическим знаком: в этой притче Царство небесное уподобляется горчичному зерну, под ветвями возросшего из него «древа» понимаются верующие, а под «небесными птицами» ангелы, охраняющие их. Такое понимание притчи, без сомнения, было известно писцу Мстиславова евангелия, поскольку он сверял свой текст с текстом Толкового евангелия Феофилакта Болгарского. *Притча о горчичном зерне*, как и *Притча о сеятеле*, содержится в чтениях из трех евангелий — Мф. 13: 31–32 — чтение на среду 5 недели по Пятидесятнице, Мк. 4: 30–32 — чтение на вторник 13 недели по Пятидесятнице, Лк. 13:18–19 — чтение на субботу 12 недели Нового лета, однако только в чтении из Луки лексема **птица** употреблена в форме Им. мн., причем в форме с флексией **-а**: оуподоби са царство небснѣи зърноу горжшьноу. ꙗже приимъ чловкъ въвьрже въ оградъ свон. и въздрате и бывъ| дрѣво велнко и птица небеснѣи въселиша са въ вѣтви ꙗго (99б). Таким образом, в перспективе идеосемантической соотнесенности оппозиция грамматических форм **птица** / **птицѣ**, заданная субботней и воскресной службами, оказывается формальным средством выражения оппозиции «**ангелы** // **демоны**», т.е. средством выражения идеосемантики.

Литература

Абаев 1934 — Абаев В.И. Язык как идеология и язык как техника. // Язык и мышление. М.:Л., 1934.

Аверинцев 1997 — Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.

Запольская 2008 — Запольская Н.Н. Грамматика и субграмматика церковнославянского языка (XV–XVIII вв.) // XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание, Доклады Российской делегации. М., 2008. С. 199–224.

Запольская 2013 — Запольская Н.Н. Церковнославянский язык в христианской эпистеме // XV Международный съезд славистов. Сборник статей тематического блока. Лингвистическая эпистемология: история и современность. Минск, 2013. С.5–30.

Natalija Zapolskaya

Moscow State University Lomonosov,

The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

zapolskaya_n@mail.ru

Immanent grammar' of Old Church Slavonic language (XI–XVII centuries): semantics and ideosemantics

The paper focuses on the problem of 'immanent' — practical grammar of Old Church Slavonic language, reconstructed on the basis of linguistic solutions presented in bookish writings.

Keywords: Old Church Slavonic language, literature, practical (immanent) grammar, ideosemantics.

References

Abaev 1934 — Abaev V. Jazyk kak ideologija i jazyk kak tehnika || Jazyk i myshlenie. M., 1934.

Averintsev 1997 — Averintsev S. Poetika rannevizantijskoj literatury. M., 1997.

Zapolskaya 2008 — Zapolskaya N. Grammatika i subgrammatika tserkovnoslavjanskogo jazyka (XV-XVIII): teorija i istorija norm. XIV Mezhdunarodnyj sjezd slavistov. M., 2008.

Zapolskaya 2013 — Zapolskaya N. Tserkovnoslavjanskii jazyk v hristianskoj episteme. XV Mezhdunarodnyj sjezd slavistov. Lingvističeskaja epistemologija^ istorija I sovremennost. Mnsk., 2008.

Олег Зиберт

Университет Галле-Виттенберг им. Мартина Лютера (Германия)

oleg.siebert@slavistik.uni-halle.de

Лингвистический и текстологический анализ „НАСТАВЛЕНІА КЪ СЪВѢЩЕННОМУ ПИСАНІЮ“ (1734) при помощи компьютерных технологий

Для лингвистического и текстологического анализа важно выявление релевантных критериев для описания нормы использованного переводчиком языка и деление текста на подсорты. Планируется создание базы данных, содержащей, помимо самого текста, как критерии, так и подсорт текста, в котором они встречаются, что может облегчить анализ.

Ключевые слова: история русского языка, XVIII в., Тодорский, база данных

«НАСТАВЛЕНІЕ КЪ СЪВѢЩЕННОМУ ПИСАНІЮ или Ѹвѣщаніе о чтеніи свѣщеннаго писанія» (Далее «Наставленіе») является одной из так называемых «русских книг» из Галле, которые принадлежат к переводам Симона Тодорского, учившегося в университете Галле с 1729 по 1735 гг. [ср. Mengel 2009: 21]. Тодорский более известен как духовник Петра III и принцессы Софии Ангальт-Цербсткой, член Святейшего Синода и епископ Костромской и Псковской [ср. Менгел 2006: 516].

«Русские книги» представляют собой переводы с немецкого общим объемом в 1896 страниц, выполненные в первой трети XVIII в. при поддержке сиротского дома Августа Германа Франке в Галле. Эти труды можно отнести к жанру душевспасительной литературы. По представлениям кружка Франке, переводы должны были быть сделаны на «простой» народный язык, который был бы понятен среднестатистическому верующему [ср. Челбаева 2015: 106].

«Наставление» является первым переводом Тодорского, вышедшим в свет в 1734 г. Немецкий оригинал под названием *Informatorium Biblicum* (1623) представляет собой произведение протестантского теолога и религиозного писателя Иоганна Арндта (1555–1621). Текст перевода состоит из 48 пагинированных страниц в формате в 12-ю долю листа. Содержание представляет собой краткое руководство по чтению Св. Писания и описание, как стоит жить, будучи христианином. При этом в «Наставлении» приводятся прямые и косвенные цитаты из Св. Писания, а также комментарии автора и переводчика, что соответствует идее деления данного текста на подсорты.

Для лингвистического анализа важно понимание культурно-языковой ситуации в России в первой половине XVIII в., и здесь достаточно уместным считается использование теорий таких учёных, как В. М. Живов или М. Л. Ремнёва. Обе теории содержат некоторые параллели, позволяющие выделить похожие тенденции в описании. Оба учёных исходят из деления письменности на книжный или литературный языки и язык некнижный или язык деловой, а также язык бытовой письменности [ср. Живов 1996: 15–16; Ремнева 2003: 5]. Стоит заметить, что Живов не описывает некнижный язык углублённо, упоминая лишь о наличии нескольких разновидностей этого фрагмента письменного языка на Руси и сопоставляя его с традиционным термином «русский язык» [ср. Живов 1996: 15, 26].

Ремнёва и Живов констатируют тот факт, что книжный или литературный язык этого периода также фрагментирован и представлен в двух нормах или регистрах: строгой норме или стандартном регистре и норме сниженного типа или гибридном регистре [ср. Живов 1996: 31; Ремнева 2003: 32]. Строгая норма или стандартный регистр представлены в таких культурно и религиозно значимых текстах, как Псалтырь или Св. Писание, в виду чего они очень стабильны и фактически не подвергаются изменениям в течение многих веков [ср. Живов 1996: 15; Ремнева 2003: 30]. Гибридный регистр или норма сниженного типа также ориентируется на книжный или литературный язык, но отличается от стандартного регистра или строгой нормы допустимым наличием восточнославянских грамматических средств, что делает этот фрагмент письменности более вариативным [Живов 1996: 25–26, 40; Ремнева 2003: 31]. Живов подчёркивает, что в виду постоянного переосмысления разнородности восточнославянских и инославянских элементов, средства осознаются писцами как книжные или некнижные не по генетическим различиям лексики, а по функциональным различиям на уровне морфологии и синтаксиса [Живов 1996: 19–20]. Данные различия и могут быть применены в качестве критериев для описания нормы использованного языка, являющихся одним из компонентов запланированной базы данных.

Базы данных содержат некоторое количество данных, состоящих в логической зависимости и обрабатываемых системой управления базы данных (СУБД) [ср. Schicker 2014: 3]. Обратим внимание на тот факт, что содержание

„Наставления“ тоже представляет собой некоторое количество данных, связанных друг с другом на морфологическом, синтаксическом и других языковых уровнях.

Задумавшись над возможностями структурирования данных, представленных в виде текста, можно прийти к выводу, что в этом случае возможно использование реляционной модели, в которой употребляются, упрощённо говоря, логически связанные между собой таблицы. Если быть точным, то эта модель представляет собой какую-то часть реального мира, запечатлённую в виде связанных между собой отношений (relation), и «название этой модели происходит от отношений, лежащих в ее основе» [Райордан 2001: 10].

Учитывая тот факт, что каждое слово из текста отвечает целой строке одной из таблиц базы данных, импорт данных «вручную» не является самым эффективным методом. Например, чтобы занести слово **увѣщание**, находящееся в заголовке на пятой строке первой страницы, требуется следующая команда: INSERT INTO Text VALUES (7, 1, 'увѣщание', 'увѣщание', 5, 1, 1, NULL, S, NULL). Предполагается создание небольшой программы, которая сможет разбить текстовый файл на отдельные слова и привести его в требуемый вид, что позволит автоматизировать процесс занесения данных в базу.

Но, преодолев вышеупомянутый барьер, можно с помощью варьирования SQL*-запросов молниеносно получить нужную для лингвистического анализа информацию и представить результаты в структурированном виде. Если нас, допустим, интересуют формы на -л со значением «действие в прошлом», то при помощи функции поиска любого текстового редактора, содержащего наш текст, тоже можно найти все формы, однако придётся кропотливо поработать. Используя подходящий запрос, мы мгновенно получим все интересующие нас глагольные формы на -л, а помимо того, их точную позицию, подсорты текста, в которых они использовались, и многое другое.

Литература

- Живов 1996** — Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. Москва, 1996.
- Менгел 2006** — Менгел С.А. „Истинно“ русские переводы „истинного христианства“ в Галле в первой трети XVIII века // Многократные переводы в южнославянском средновековие. София, 2006. С. 515—524.
- Райордан 2001** — Райордан Р. Основы реляционных баз данных. Базовый курс, Теория и практика. Москва, 2001.
- Ремнёва 2003** — Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. Москва, 2003.
- Челбаева 2015** — Челбаева Т. „Русские книги“ из Галле в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа: дис. канд. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2015.
- Mengel 2009** — Mengel S. Russische Drucke aus Halle — „ein vergessenes Kapitel der Geschichte der slavischen Philologie“ // Dmitrij I. Tschizëvskij. Impulse eines Philologen für eine komparative Geistesgeschichte. Münster, 2009. T. 9. С. 21–30. (Slavia Varia Halensia).
- Schicker 2014** — Schicker E. Datenbanken und SQL. Eine praxisorientierte Einführung mit Anwendungen in Oracle, SQL Server und MySQL. Wiesbaden, 2014.

* SQL- Structured Query Language.

Oleg Siebert

Martin Luther University Halle-Wittenberg (Germany)

oleg.siebert@slavistik.uni-halle.de

A textological and linguistic analysis of „НАСТАВЛЕНІЕ КЪ СЕДЦЕННОМУ ПИСАНІЮ“ (1734) by using data processing

For textological and linguistic analysis it is important to identify appropriate linguistic criteria to describe the applied norm of language and splitting text into subcategories. It is planned to create a database, which contains text, criteria and text subcategories.

Key words: *history of the Russian language, 18th Century, Todorky, database*

References

Zhivov 1996 — Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. Moskva, 1996.

Mengel 2006 — Mengel S.A. „Istinno“ russkie perevody „istinnogo khristianstva“ v Galle v pervoi treti XVIII veka // Mnogokratnie prevodi v yuzhnoslavianskoto srednovekovie. Sofiya, 2006. S. 515—524.

Raiordan 2001 — Raiordan R. Osnovy relyatsionnykh baz dannykh. Bazovyi kurs, Teoriya i praktika. Moskva, 2001.

Remneva 2003 — Remneva M. L. Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI-XVII vv. Moskva, 2003.

Chelbaeva 2015 — Chelbaeva T. „Russkie knigi“ iz Galle v diskurse formirovaniya russkogo literaturnogo yazyka novogo tipa: dis. kand. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2015.

Mengel 2009 — Mengel S. Russische Drucke aus Halle — „ein vergessenes Kapitel der Geschichte der slavischen Philologie“ // Dmitrij I. Tschizhevskij. Impulse eines Philologen für eine komparative Geistesgeschichte. Münster, 2009. T. 9. S. 21—30. (Slavia Varia Halensia).

Schicker 2014 — Schicker E. Datenbanken und SQL. Eine praxisorientierte Einführung mit Anwendungen in Oracle, SQL Server und MySQL. Wiesbaden, 2014.

Андраш Золтан

Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

zoltan.andras@btk.elte.hu

О некоторых лексических особенностях Няговских поучений

В статье рассматриваются некоторые лексические заимствования из венгерского языка в Няговских поучениях XVI в., сохранившихся в списке XVIII в. Для анализа были выбраны слова, выступающие или в прямых цитатах из Библии, или в пересказах библейских цитат. На основе приведенного материала утверждается, что заимствования из венгерского языка уже в XVI в. были прочно усвоенными элементами мараморошских говоров.

Ключевые слова: Няговские поучения, мараморошские говоры, венгерские заимствования, языковые контакты.

Хотя «Няговские поучения» (НП) сохранились в позднем списке (1758 г.), возникновение данного текста с уверенностью можно отнести к середине XVI в. Памятник этот стоит особняком среди западнорусских учительных евангелий своего времени: он написан на народном языке, но не на «простой мове», а на идиоме, близком к местному украинскому диалекту закарпатского региона Мараморош на стыке украинской, румынской и венгерской языковых территорий [Німчук 2004: 385]. Диалектную речь характеризует не только текст самих проповедей, ею пропитаны и библейские цитаты.

К диалектным чертам данного говора принадлежат, несомненно, и многочисленные заимствования из венгерского языка [Дежё 1958; Дидик-Меуш 2008: 133]. На венгерское происхождение слов НП указывается обычно и в словаре памятника, составленном Л. Дэжё [Дэжё 1985]. Часть венгерского материала из НП приводит и Е. Барань [Барань 2010].

В настоящем докладе я остановлюсь, прежде всего, на тех унгаризмах памятника, которые встречаются при пересказе или в толковании библейских цитат на народном языке. Для анализа в данной работе мною был взят тот отрывок текста памятника, в котором дается толкование десяти заповедей. (В сохранившемся списке содержатся толкования лишь на первые семь заповедей, см. [НП 2006: 209–224]).

В толковании на первую заповедь обращает на себя внимание слово *серенча*: «На тѣлѣхъ караетъ голодомъ, вуйнами, моромъ, убуствомъ, квары, паны немилостивными, *серенъчами* и иными непогодами» [НП 2006: 210]. Это слово Л. Дэжё считал опиской вм. *саранча* [Дэжё 1985: 326]. Думаю, однако, что данное место в тексте можно объяснить и по-другому, а именно как заимствование из венгерского слова *szerecs*. В старовенгерском языке существовало ныне совершенно забытое существительное *szerecs* 'преступник, разбойник' (славянского происхождения). В таком случае для НП следовало бы восстановить исходную форму *серенчъ* 'преступник, разбойник', что безукоризненно вписывается в ряд «паны немилостивными, серенъчами и иными непогодами».

Также в толковании на первую заповедь выступает глагол *бъчеловати* 'читать, почитать': «И опять каравъ жиды, што были почали *бъчеловати* одну королицу за Бога» [НП 2006: 210]. Тот же глагол засвидетельствован и в толковании на вторую заповедь, где он выступает один раз в заголовке как глосса ко второй заповеди: «али што бесме имя Божіе *бъчеловали*» [НП 2006: 211], а второй раз в переводе библейского текста, в цитате из Евангелия от Матфея (Мт 10: 32): «Кто мене будетъ *бъчеловати* и любити передъ людми, визнаю и я его передъ отцемъ небеснымъ» [НП 2006: 213]. Глагол *бъчеловати* и производное существительное *бъчелованя* в старой украинской письменности засвидетельствованы только в НП [ССУМ XVI–XVII, 3: 154]. В памятнике слово последовательно выступает с корневым *-i-*, что указывает на то, что оно было заимствовано не из современной формы венгерского глагола *becsül* 'уважать, ценить, оценивать' (откуда более новые закарпатские диалектные формы *бечеловати* — [Чопей 1883: 14], *бичилувати* — [ЕСУМ 1: 188]), а из старой и диалектной формы *bücsül* [TESz 1: 266; EWU 1: 89].

В толковании на вторую заповедь мы читаем: «што бесме ся не божили *гамъшино* именемъ Божіймъ» [НП 2006: 211], где наречие *гамъшино* образовано от диалектного *гамишиний* 'фальшивый' [Чопей 1883: 50; ЕСУМ 1: 465], заимствованного из венг. *hamis* [Барань 2010: 18]. Данное слово в старой восточнославянской письменности засвидетельствовано только в НП [ССУМ

XVI–XVII, 6: 188]. В анализируемом отрезке НП выступает существительное *бетеґь* 'болезнь' и производное от него прилагательное *бетѣжнѣй* 'больной': «И опять каравъ Господь Бгѣъ Давыда велми тяжкыми *бетегами* дѣля курварства, котрое чинивъ изъ жоновъ Уряшововъ, копѣтана своего» [НП 2006: 222]. В данном случае интересно, что венгерское прилагательное *beteg* 'больной' дало в украинском существительное *бетеґь* со значением 'болезнь', от которого было образовано прилагательное *бетѣжнѣй* 'больной' [ЕСУМ 1: 178]. В староукраинский период *бетеґь* и *бетѣжнѣй* засвидетельствованы только в этом единственном памятнике [ССУМ XVI–XVII 2: 82].

В толковании на третью заповедь перечисляются условия, при которых в качестве исключения разрешается работать в праздники: «первое — огонь, другое — вуйны, третее — вода, четвертое — муръ, тогды дѣля тыхъ чотырохъ дѣль *изъиленкедовати* свято Божіе» [НП 2006: 215]. Глагол *изъиленкедовати* в сохранившемся списке исправлен на *изъингедовати*. В обоих случаях отражается венгерский глагол *enged* 'пустить'.

Рассмотрение унгаризмов даже в небольшом отрывке текста НП убеждает нас в том, что эти слова — не какие-то поверхностные иноязычные вкрапления в этом тексте, но представляют собой прочно усвоенные уже в XVI в. элементы лексической системы мараморошских говоров. Об этом свидетельствует фонетическая, морфологическая и семантическая адаптация этих слов, их словообразовательная продуктивность. То обстоятельство, что эти унгаризмы в мараморошском тексте иногда восходят к уже устаревшим венгерским лексемам или к архаичным фонетическим вариантам существующих и ныне венгерских слов, еще раз подтверждает ценность и достоверность данного памятника для изучения истории лексики закарпатских говоров.

Литература

- Барань 2010** — Барань Є. Дані до гунгаризмів у староукраїнських пам'ятках XIV–XVII століття. // Мойсієнко В., Ершов В. (ред.), Волинь-Житомирщина: Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. № 22 (I). — Житомир, 2010. С. 11–20.
- Дидик-Меуш 2008** — Дидик-Меуш Г. Закарпатські говіркові риси в мовній тканині неканонічного євангельського тексту XVI ст. // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Збірник наукових праць. Т. 12. — Ужгород, 2008. С. 131–133.
- Дэжэ 1958** — Дэжэ Л. К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI–XVIII вв. // *Studia Slavica Hung.* Т. 4. — 1958. Р. 71–96.
- Дэжэ 1985** — Дэжэ Л. Украинская лексика сер. XVI века: Няговские Поучения (словарь и анализ). Дебрецен, 1985.
- ЕСУМ** — Етимологічний словник української мови. I–VI. Київ, 1982–2012. (Издание продолжается.)
- Німчук 2004** — Німчук В. В. Українські діалектні переклади Святого Письма // До джерел: Збірник наукових праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя. — Львів, 2004. С. 383–389.
- НП 2006** — Няговские поучения. Факсимильное воспроизведение текста по изданию А. Л. Петрова с вводной статьей Ласло Дэжэ. Под редакцией и с предисловием Андраша Золтана. Nyíregyháza, 2006.
- ССУМ XVI–XVII** — Словник староукраїнської мови XVI — першої половини XVII ст. Вип. 1–15. Львів, 1994–2010. (Издание продолжается.)
- Чопей 1883** — Чопей Л. Русько-мадярський словарь. У Будапештѣ, 1883.
- Чорі Ю.** Словарь русинського языка. Т. I–V. Ужгород, 2001–2008. (Издание продолжается.)

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Общеславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–38. Москва, 1974–2012. (Издание продолжается.)

EWU — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Hrsg. Loránd Benkő. Redakteure: Károly Gerstner, Antónia S. Hátori, Gábor Zaicz. I–III. Budapest, 1993–1997.

TESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főszerk. Benkő Loránd. Szerk. Kiss Lajos, Papp László. I–IV. Budapest, 1967–1984.

Andrash Zoltan

E tv s Lor nd University, Hungary

zoltan.andras@btk.elte.hu

On some lexical peculiarities of the Niagovo Postilla

The paper presents some lexical borrowings from Hungarian in the Old Ukrainian Dialect of the 16th century Maramureş district based on the text of the Niagovo Postilla (second half of the 16th century preserved in a copy of 1758). Some dialect words of Hungarian origin were founded not only in sermon texts, but in Biblical quotes, too.

Key words: *The Niagovo Postilla, Maramureş dialects, borrowings from Hungarian, language contacts.*

References

Baran' 2010 — Baran' Є. Dani do gungarizmiv u staroukrains'kikh pam'yatkakh XIV–XVII stolittya. // Moisienko V., Ershov V. (red.), Volin'-Zhitomirshchina: Istoriko-filologichnii zbirnik z regional'nikh problem. № 22 (I). — Zhitomir, 2010. S. 11–20.

Didik-Meush 2008 — Didik-Meush G. Zakarpats'ki govirkovi risi v movnii tkanini nekanonichnogo evangel's'kogo tekstu XVI st. // Suchasni problemi movoznavstva ta literaturoznavstva: Zbirnik naukovikh prats'. T. 12. — Uzhgorod, 2008. S. 131–133.

Dezhe 1958 — Dezhe L. K voprosu o vengerskikh zaïmstvovaniyakh v zakarpatskikh pamyatnikakh XVI–XVIII vv. // Studia Slavica Hung. T. 4. — 1958. P. 71–96.

Dezhe 1985 — Dezhe L. Ukrainskaya leksika ser. XVI veka: Nyagovskie Poucheniya (slovar' i analiz). Debretsen, 1985.

ESUM — Etimologichnii slovník ukrains'koï movi. I–VI. Kiïv, 1982–2012. (Izdanie prodolzhaetsya.)

Nimchuk 2004 — Nimchuk V. V. Ukrains'ki dialektni perekladi Svyatogo Pis'ma // Do dzherel: Zbirnik naukovikh prats' na poshanu O. Kupchins'kogo z nagodi iogo 70-richchya. — L'viv, 2004. S. 383–389.

NP 2006 — Nyagovskie poucheniya. Faksimil'noe vosproizvedenie teksta po izdaniyu A. L. Petrova s vvodnoi sta'tei Laslo Dezhe. Pod redaktsiei i s predislaviem Andrasha Zoltana. Nyiregyháza, 2006.

SSUM XVI–XVII — Slovník staroukrains'koï movi XVI — pershoï polovini XVII st. Vip. 1–15. L'viv, 1994–2010. (Izdanie prodolzhaetsya.)

Chopei 1883 — *Chopei L.* Rus'ko-madyarskii slovar'. U Budapeshtѣ, 1883.

Chori Yu. Slovar' rusins'kogo yazyka. T. I–V. Uzhgorod, 2001–2008. (Izdanie prodolzhaetsya.)

ESSYa — Etimologicheskii slovar' slavyansnikh yazykov: Obshchieslavyansnii leksicheskii fond. Pod red. O. N. Trubacheva. Vyp. 1–38. Moskva, 1974–2012. (Izdanie prodolzhaetsya.)

EWU — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Hrsg. Loránd Benkő. Redakteure: Károly Gerstner, Antónia S. Hámori, Gábor Zaicz. I–III. Budapest, 1993–1997.

TESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főszerk. Benkő Loránd. Szerk. Kiss Lajos, Papp László. I–IV. Budapest, 1967–1984.

Фома Купрьянович

Христианская Богословская Академия в Варшаве, Польша
t.kuprjanowicz@interia.pl

Преп. Паисий (Величковский), Оптиная Пустынь и Творения Святых Отцов

Святитель Игнатий (Брянчанинов) считал, что творения, переведенные преподобным Паисием (Величковским), имеют «такое достоинство аскетическое», что их не может заменить никакой другой перевод. В XIX веке в Оптиной Пустыни велась неопределимая по важности и значению работа по изданию святоотеческих творений. Их основная цель заключалась в том, чтобы в условиях острого недостатка истинных наставников указать ищущим духовной жизни правильный путь нравственного совершенствования.

Ключевые слова: *Святые Отцы, Паисий Величковский, Оптиная Пустынь*

В России на протяжении веков существовало множество монастырей, связанных между собой тесными узами духовного общения. Пришедшая с первым благовестием христианства образованность необычайно быстро укрепилась и возросла в XII–XIII вв. В монастырях и у некоторых удельных князей имелись именные библиотеки, способные соперничать с самыми значительными книгохранилищами, а творения греческих Отцов, почти забытые в христианской Европе, переводились и переписывались в тиши русских обителей, укреплялись в жизни нации, складывали русский быт, становились основой и фундаментом нравственности, образуя лицо народа.

Уникальность Оптиной заключалась в том, что в XIX в., после почти столетнего перерыва, в стенах Козельской Введенской Оптиной Пустыни, трудами ее насельников и тех, кто был ей духовно близок, велась гигантская работа по восстановлению святоотеческих творений, которые уже традиционно составляли основу православия на Руси.

Издание творений греческих Святых Отцов началось немного ранее, в конце XVIII столетия, именно в тот момент, когда в эпоху Петра I наступил критический перелом в отношениях между церковью и государством. Господь в лице старца Паисия Величковского воздвиг великого мужа и неутомимого труженика.

Рассматривая жизнеописание нямецкого старца, можно видеть, как недоставало ему в иноческой жизни наставника-руководителя. «Уже отчаявшись, — вспоминал старец, — сел я в келии, положившись на Божие промышление, начал перечитывать помалу отеческие книги». Скоро около подвижника собрался кружок ревнителей иноческих добродетелей. Сознывая необходимость духовного руководства монашествующими, молодой наставник обращается к святоотеческой литературе. Он понял, что братию следовало учить так, «как учат получившие просвещение от Святаго Духа, по благодати, божественные вселенские Отцы, равно и учителя монашеской жизни» [Житие 1847: 287].

На Афоне инок Паисий с большим трудом приобретал святоотеческие творения о послушании, внимании и молитве. Часто он сам переписывал книги, которые невозможно было купить. Многих книг, необходимых для монашеской жизни, на славянском языке в библиотеках близлежащих монастырей вообще не оказалось. При чтении имевшихся сочинений отец Паисий находил неисправность в переводе, а также, по его выражению, «поразительную неясность, доходившую до того, что во многих местах не было грамматического смысла». Это привело ревностного подвижника к мысли об исправлении и новых переводах святоотеческих книг. Первоначально он пытался исправлять славянские книги с других списков на славянском языке. Но постепенно убедился, что работа в этом направлении бесполезна, потому что переводы были несовершенны, случались неосведомленность и нерадение переписчиков.

Духовный руководитель начал искать творения на древнегреческом языке. Долгое время ему это не удавалось, потому что на Афоне уже мало кто знал греческий язык. Но однажды, в отдаленном скиту во имя святого Василия Великого, отец Паисий нашел то, к чему стремилась его горячая монашеская душа - труды преподобного Антония Великого, святых Григория Синаита, Исихия, Симеона Нового Богослова и многих других.

В процессе перевода с древнегреческого языка игумен Паисий встретился с грамматическими трудностями еще малоизученного языка, но, видя духовный голод своих собратьев, отец Паисий с Божией помощью все-таки решается на нелегкий труд.

Литература

Житие и Писания старца Паисия. М.,1847.

Tomasz Kuprjanowicz

The Christian Theological Academy in Warsaw, Poland

t.kuprjanowicz@interia.pl

Saint Paisius (Velichkovsky), Optina Pustyn and the works of the Holy Fathers

Saint Ignatius (Bryanchaninov) believed that works translated by saint Paisius (Velichkovsky) had so much “great ascetic honour” that they cannot be replaced by any other translation. In 19th century Optina Pustyn monastery published a vast number of very important Holy Fathers works. Their main purpose was to show seekers of spiritual life the true way of moral perfection in the harsh times of lack of spiritual guidance.

Key words: *Holy Fathers, Paisius (Velichkovsky), Optina Pustyn*

References

Zhitie i Pisaniya startsa Paisiya. M.,1847.

Марианна Лявинец-Угрин

Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

mariann.ljavinecz@gmail.com

К истории книги Михаила Лучкая *Grammatica slavo-ruthena* (1830)

В 1830 году священник, историк, филолог Михаил Лучкай, находясь в городе Лукка в Италии, написал книгу *Grammatica slavo-ruthena* — первую сравнительную грамматику церковнославянского и русинского языков на латинском языке. Этот труд стал одним из фундаментов, на котором развивался русинский литературный язык.

Ключевые слова: *Михаил Лучкай, Grammatica slavo-ruthena, церковнославянский язык, русинский язык.*

Формирование русинского литературного языка базировалось на церковнославянском языке. В Подкарпатской Руси созданием литературного языка занимались духовные лица. Духовенство церковнославянским языком владело лучше, чем местным русинским языком, представляющим собой смесь множества говоров. Церковнославянский язык проникал в Подкарпатскую Русь из других стран. Книжный церковнославянский язык во многом отличался от народных говоров русинов, в которых содержатся лексические элементы не только славянских языков, но и венгерского, немецкого и т. д. Соответственно, между книжным и разговорным языками на территории Подкарпатской Руси была существенная разница. Традиция использования церковнославянского языка была связана с православием, или, как говорил народ, со «старой верой» [Дехтеревъ 1936: 97]. Из сохранившихся свидетельств игумена Анатолия Кралицкого, который собрал и систематизировал рукописи и печатные издания в Мукачевском монастыре, известно, что почти все книги, которые попадали в Подкарпатскую Русь, были напечатаны в типографиях Львова, Москвы, Киева и Почаева [Кралицкий 1865; Падак 2010: 30]. Это — молитвенники, минеи, псалтыри, евангелия, отрывки из текстов других жанров. Они были написаны на церковнославянском языке, в основном великорусской редакцией.

С момента принятия Унии (1646) австрийское правительство перестало удовлетворять потребности русинов в церковной и образовательной литературе, написанной кириллицей. Печатной литературы в Подкарпатской Руси было мизерное количество, а это привело к тому, что и в XVII–XVIII вв. она оставалась выгодным рынком сбыта книжной продукции как для российских, так и для других торговцев. Официальным языком Венгрии был латинский язык, администрация некоторых комитатов использовала и венгерский язык [Ласло 1996: 194]. В 1770 г. австрийское правительство окончательно запретило ввоз книг из России на территорию Подкарпатской Руси. С приходом на епископский престол Мукачевской греко-католической епархии Андрея Бачинского (1772–1809) русины получили право и возможность изучать церковнославянский язык, и тем самым сохранили свою письменность [Гаджега 1936: 93–97]. Деятельность епископа А. Бачинского тесно связана с начавшимся просвещением простого народа, а также ознаменовалась весомыми и по сей день книжными изданиями. Следует отме-

тить, что к тому времени среди духовенства до того распространился латинский язык, что его «разговорнымъ языкомъ сдѣлалась кухонная латынь» [Сабов 1893: 190]. В это время приобретение церковной литературы из Почаева стало слишком дорогим, поэтому епископ решает для нужд епархии издавать книги в Вене и в Будине [Удварі 2000: 80]. Благодаря ходатайству А. Бачинского в Будине вышли в свет и были распространены по всей епархии *Катихисисъ малый или наука православно-хріанская составленная въ Оунгварь* (1801) Иоанна Кутки и 5-ти томная *Библія сиртьчь Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Заветъа* (1805).

Грамотные люди в те времена имели возможность поехать учиться за границу, правда, в очень редких случаях. Одним из таких людей был священник, историк, филолог, Михаил Лучкай [Поп] (1789–1843), учившийся в Вараде (Oradea) и в Вене. В 1829 г. он был направлен в Италию в город Лукка к испанскому князю Карлу Людовику Бурбону, который в надежде получить греческий престол решил завести при дворе церковь греко-католического обряда. В Италии М. Лучкай прожил три года.

Будучи сторонником идеи панславизма, М. Лучкай считал, что церковнославянский язык должен стать общим литературным языком всех славян. Свои монументальные труды он писал на латинском языке, считая, что этот язык является «органом мировой культуры и науки» [Погорелов 1930: 3]. Следуя примеру европейских стран, М. Лучкай пришел к выводу, что русинский литературный язык должен быть создан на основе старославянского языка, общего для славянских народов. В 1830 г. он издаст книгу *Grammatica slavo-ruthena* — первую сравнительную грамматику церковнославянского и русинского языков на латинском языке. Она была написана в Италии в городе Лукка, а издана в Будапеште. В этой книге М. Лучкай преследовал две цели. С одной стороны, он хотел написать сокращенный и доступный по цене учебник для учащихся Ужгородского богословского училища и, таким образом, облегчить усвоение «старославянского», то есть церковнославянского языка. С другой стороны, он ставил себе научную цель — впервые представить местное наречие Подкарпатской Руси в грамматической обработке, в его отличиях от «матери славянских языков», «старославянской» речи, и тем самым ввести его в область лингвистического изучения [Геровский 1930: 4, Недзельский 1932: 98–99]. В грамматике представлены примеры на славянском (Slavic) и на русинском (Ruthenic) языках. Этот труд в итоге стал одним из фундаментов, на котором развивался русинский литературный язык. При составлении грамматики М. Лучкай руководствовался работами А. Мразовича и Й. Добровского [Лучкай 1830: 52].

Спустя год в Будине М. Лучкай издал *Церковныя бесѣды на всѣ недѣли рока на поучение народное* (1831) в двух томах, которые так же, как и грамматика, были написаны в городе Лукка. В предисловии к беседам М. Лучкай отмечает, что он взялся за этот труд ввиду того, что книг на русском языке для всенародного поучения до сих пор было издано мало, а из России их тяжело достать [Лучкай 1831]. По поводу языка проповедей М. Лучкай известный русинский писатель-литературовед Е. Сабов отмечает следующее: (...) должно примѣтити, что онъ составленъ подѣ 3-якимъ вліяніемъ, (...): формы церковно-славянскаго-, литературнаго- и мѣстнаго русскаго языка въ немъ смѣшанны (sic!) подѣ вліяніемъ греческо-латинской синтактики (...) [Сабов

1893: 194]. Отсюда явствует, что язык проповедей противоречит принципам о литературном языке, которые М. Лучкай высказал в предисловии к грамматике. Вероятно, это можно объяснить тем, что М. Лучкай, сам того не подозревая, допустил ряд русских форм при составлении грамматики «старославянского» языка. Что же касается греческих и латинских конструкций, то их можно отнести к недостатку всех писателей этого периода, которые получили образование в «чуждой» школе [Недзельский 1932: 99].

Литература

Гаджега 1936 – Гаджега Ю. Греко-католическая церковь на Подкарпатской Руси // Подкарпатская Русь за годы 1919–1936. Ужгород, 1936. С. 93–97.

Геровский 1930 – Геровский Г. Ю. Русский язык в церковно-славянской-русской грамматике Михаила Попа-Лучкая. Ужгород, 1930.

Дехтерев 1936 – Дехтерев А. Православие на Подкарпатской Руси // Подкарпатская Русь за годы 1919–1936. Ужгород, 1936. С. 97–100.

Кралицкий 1865 – Кралицкий А. Список монастырей чина святого Василия Великого // Научный сборник. Вып. I-IV. Львов, 1865.

Ласло 1996 – Ласло Д. Деловая письменность русинов в XVII–XVIII веках. Nyíregyháza, 1996.

Лучкай 1830 – Лучкай М. Grammatica slavo-ruthena. [Будин, 1830] Київ, 1989.

Лучкай 1831 – Лучкай М. Церковныя бесѣды на всѣ недѣли рока на поученіе народное. Будин, 1831.

Недзельский 1932 – Недзельский Е. Л. Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932.

Падяк 2010 – Падяк В. Нарис исторії карпаторусинської літератури XVI–XXI століть. Ужгород, 2010.

Погорелов 1930 – Погорелов В. Михайль Лучкай и его Grammatica slavo-ruthena. Ужгородъ, 1930.

Сабов 1893 – Сабов Е. И. Христоматія церковно-славянских и угро-русских литературных памятников. Унгарь, 1893.

Удвари 2000 – Удвари І. Образчики з історії пудкарпатських Русинув XVIII столітіє. Изглядованя з історії культури и языка. Ужгород, 2000.

Marianna Liavinetc-Ugrin

Eötvös Loránd University, Hungary

mariann.ljavinecz@gmail.com

On the history of the book by Michaelis Lutskey Grammatica slavo-ruthena (1830)

In 1830 a priest, historian, philologist Michaelis Lutskey being in the city of Lucca in Italy writing a book Grammatica slavo-ruthena — the first comparative grammar of the Church Slavonic and Rusyn languages in Latin language. This work became one of the foundations on which developed the Rusyn literary language.

Key words: *Michaelis Lutskey, Grammatica slavo-ruthena, Church Slavonic language, Rusyn language.*

References

- Gadzhega 1936** — Gadzhega Yu. Greko-katolicheskaya tserkov' na Podkarpatskoi Rusi // Podkarpatskaya Rus' za gody 1919–1936. Uzhgorod, 1936. С. 93–97.
- Gerovskii 1930** — Gerovskii G. Yu. Russkii yazyk v tserkovno-slavyanskoi-russkoi grammatike Mikhaila Popa-Luchkaya. Uzhgorod, 1930.
- Dekhterev 1936** — Dekhterev A. Pravoslavie na Podkarpatskoi Rusi // Podkarpatskaya Rus' za gody 1919–1936. Uzhgorod, 1936. С. 97–100.
- Kralitskii 1865** — Kralitskii A. Spisok monastyrei china svyatogo Vasiliya Velikogo // Naukovyi sbornik. Vyp. I-IV. L'vov, 1865.
- Laslo 1996** — Laslo D. Delovaya pis'mennost' rusinov v XVII–XVIII vekakh. Nyiregyháza, 1996.
- Luchkai 1830** — Luchkai M. Grammatica slavo-ruthena. [Budín, 1830] Kiiv, 1989.
- Luchkai 1831** — Luchkai M. Tserkovnyya bes'edy na vs' ned'li roka na pouchenie narodnoe. Budín, 1831.
- Nedzel'skii 1932** — Nedzel'skii E. L. Ocherk karpatorusskoi literatury. Uzhgorod, 1932.
- Padyak 2010** — Padyak V. Naris istorii karpatorusins'koi literaturi XVI–XXI stolit'. Uzhgorod, 2010.
- Pogorelov 1930** — Pogorelov V. Mikhail' Luchkai i ego Grammatica slavo-ruthena. Uzhgorod", 1930.
- Sabov 1893** — Sabov E. I. Khristomatiya tserkovno-slavyanskikh i ugro-russkikh literaturnykh pamyatnikov. Ungvar", 1893.
- Udvári 2000** — Udvári I. Obrazchiky z istorii pudkarpats'kykh Rusinov XVIII. stolitie. Izglyadovanya z istorii kul'tury i yazyka. Uzhgorod, 2000.

Ирина Makeева

Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, Россия
irinamakeeva2007@mail.ru

«Слово о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского в контексте русской книжности*

Изучавший творчество Кирилла Туровского И.П. Еремин выделил шесть редакций «Слова о снятии тела Христова с креста», но не ставил вопроса о причинах их появления. Три редакции дополнили репертуар чтений на Страстную неделю. Этот процесс начался во 2-ой половине XV в. Вторая редакция связана с Синасарем, а третья и четвертая — со Златоустом, который как особый вид уставных чтений формировался в конце XV- начале XVI в. Эти две редакции в русской письменности имеют стабильный литературный канон.

Ключевые слова: *источниковедение, текстология, древнерусский язык, Кирилл Туровский.*

Слова Кирилла Туровского давно привлекали внимание исследователей; им посвящено множество работ, в центре внимания которых преимущественно оказывалась стилистика и образная система древнерусского писателя XII в. В контексте русской книжности произведения не рассматривались. Такой аспект исследования прежде всего актуален для *Слова о снятии тела Христова с креста*.

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 16-04-00127а «Творческое наследие древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского: повествовательные произведения и ораторская проза».

В отличие от других риторических сочинений Кирилла Туровского, оно имеет сюжетную основу: когда Богородица оплакивает распятого Христа, это слышит Иосиф Аримафейский; он отправляется к Пилату и просит у него тело Иисуса, а затем, получив, погребает его. Произведение четко структурировано: небольшое вступление, плач Марии, монолог Иосифа (речь к Пилату и плач), рассказ о мироносицах и похвала Иосифу Аримафейскому. Заключением служит адресованная Иосифу просьба о заступничестве и помощи. Первоначально произведение было приурочено к неделе третьей по Пасхе, то есть к неделе мироносиц.

Структура и широкая тематика *Слова о снятии тела Христова с креста* способствовали появлению нескольких редакций произведения в русской письменности XV-XVII вв. Шесть редакций выделил И.П. Еремин. Первая представляет собой полный текст, принадлежащий Кириллу Туровскому, а остальные пять — разные части произведения, в том числе с добавлениями. Как отмечал еще И.П. Еремин, редакции связаны с делением Слова на «страстную» и «нестрастную» части.

Этот процесс начался во 2-ой половине XV в., когда стало актуальным пополнение репертуара чтений на Страстную неделю. Как основной источник использовалось сочинение Кирилла Туровского.

При включении в Синаксарь прежде единый текст был разделен на два, которые И.П. Еремин определил как вторую и шестую редакции Слова. В первом, теперь приуроченном к святой великой субботе, осталось вступление, плач Марии и монолог Иосифа под прежним названием *Слово о снятии тела Христова с креста, и о мироносицах от сказания евангельского, и похвала Иосифу*, но уже без имени Кирилла Туровского. Во второй текст, помещенный после синаксарии в неделю мироносиц, вошел рассказ о мироносицах под самоназванием *В неделю вторую святых мироносиц слово от Евангелия* и следующая за ним похвала Иосифу под киноварным подзаголовком *Похвала благообразному Иосифу*. Не исключено, что Синаксарь со Словами Кирилла Туровского (в него вошли восемь риторических произведений) был этапом в истории этого памятника на Руси.

Чтением в пятницу Страстной недели стала четвертая редакция *Слова о снятии тела Христова с креста*, в которую из оригинального произведения Кирилла Туровского вошел плач Марии и монолог Иосифа при измененном вступлении. И.П. Еремин выделил две группы четвертой редакции: вторую, где исходный текст сохранен и дополнен вставкой из *Слова Епифания Кипрского* (нач. «Что днесь безмолвие много на земли...»), и первую, где авторский текст Кирилла Туровского сокращен, а вставка заменена на апокрифическую. Кроме того, поменялось самоназвание: во второй группе — *Слово о снятии Господни с креста и о плаче св. Богородицы* (нач. «Чудеса господня и силы...»); в первой группе — *Слово (от сказаний евангельских) в святой великий пяток вечер на погребение Христова и о плаче св. Богородицы* (нач. «Возлюбленные, кто возглаголет силы...»).

Изучение русских рукописей XV-XVII вв. показывает, что существовали еще две группы четвертой редакции. Текст третьей группы представляет собой контаминацию списков первой и второй групп. Ее создатель еще сократил текст, и без того уже сильно отличавшийся от оригинального сочинения Кирилла Туровского.

Старший известный сейчас список Барс-1415 второй группы датируется 2-ой половиной XV в. Старшие списки Барс-1426 и Увар-151 первой группы

относятся к рубежу XV-XVI вв. К концу XV в. принадлежит старший список третьей группы Барс-1396. Очевидно, что работа над этими группами четвертой редакции началась в середине — 2-ой половине XV в., а закончилась к концу того же столетия. В итоге в русской книжности имелось три близких по содержанию произведения, приуроченных к вечеру пятницы Страстной недели. Тем не менее в XVI в. появился еще один текст (четвертой группы), читавшийся в тот же день. На этот раз как основной был использован текст третьей группы четвертой редакции, дополненный вставкой из *Слова Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)*.

Такое дополнение не было случайным: *Слово Григория Антиохийского* входило в число произведений, составивших литературный канвой четвертой редакции. В него входили также *Слово Епифания Кипрского* с начальными словами «Всюду (пре)лесть сама с(еб)я ослепляет...» и *Слово о распятии Господа нашего Иисуса Христа, иже прия страсть вольную за весь мир* (нач. «Тако бо и сам Господь повеле пети...»). Все три произведения объединялись в один блок с текстом четвертой группы четвертой редакции, два (*Слово Григория Антиохийского* и *Слово Епифания Кипрского*) — с текстом третьей группы; *Слово Григория Антиохийского* сопровождало текст первой группы. Слова Епифания Кипрского и Григория Антиохийского представляют собой части большого произведения — *Слова Епифания Кипрского* с начальными словами «Что днесь безмолвие много на земли...», из которого заимствована вставка во вторую группу четвертой редакции и которое Кирилл Туровский в свое время использовал как источник своего произведения.

Как еще один вариант чтения в пятницу Страстной недели была создана третья (по Еремину) редакция *Слова о снятии тела Христова с креста*. Из оригинального текста Кирилла Туровского в нее также вошли вступление, плач Марии и монолог Иосифа. Кроме сокращения вступительной части других изменений нет, и это сближает вторую и третью редакции как не имеющие вставок из других произведений.

Как и текст первой группы четвертой редакции, в рукописях третья редакция находится перед *Словом Григория Антиохийского*, а ее самоназвание совпадает с самоназванием второй группой четвертой редакции или близко ему.

Если появление второй редакции как чтения в Страстную неделю связано с Синаксарем, то третью и четвертую редакции следует связывать со Златоустом, который как особый вид уставных чтений формировался в конце XV- начале XVI вв.

Irina Makeeva

Vinogradov Institute of the Russian language of the Russian Academy of Sciences, Russia
irinamakeeva2007@mail.ru

Kirill Turovsky's "The Sermon about removal of Christ's body from the cross" in the Russian writings

I.P.Eremin who was studying Kirill Turovsky's literary works found six variations of "The Sermon about removal of Christ's body from the cross", but didn't raise any questions about why there were any variations. Three variations filled up

his repertoire of readings for the Holy Week. This process began in the second half of the XV century. The second variation is associated with Sinaksar, and the third and fourth with Zlatoust, which as a special type of religious reading was practiced at the end of XV or the beginning of the XVI century. These two variations in the Russian writings can be found in a group of certain literary works.

Key words: *source study, textual criticism, Old Russian language, Kirill Turovsky.*

Светлана Менгель

Университет им. Мартина Лютера, Галле-Виттенберг, Германия
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

Проблематика идентификации текстов «простого» русского языка (некоторые теоретические размышления)

Проблематичным для идентификации текстов «простого» языка представляется такое положение вещей, когда в них отсутствуют маркированные формы претеритов на -л — при присутствии маркированных церковнославянских претеритов или вообще отсутствии форм прошедшего времени. В докладе делается попытка предложить решение проблемы путем выделения текстовых микроблоков с определенными маркированными и вариативными признаками и анализом целевой направленности использования в данных микроблоках определенных признаков для достижения понятности и «простоты» языка, достойного также для «общения с Богом».

Ключевые слова: *история русского литературного языка, XVIII век.*

Как известно, русский письменный язык в ходе своей истории с XI в. до первой половины XVIII в. не был ни единым, ни однородным. Разделяемые сначала по генетическим признакам церковнославянский и русский языки использовались для создания различных типов (сортов) текстов с различной целевой установкой. На основе предложенной Б.А. Успенским [Успенский 1983; 1987] идеально-типической модели социолингвистического описания культурно-языковой ситуации на Руси в XI–XVII вв. в данный исторический период можно исходить из ситуации диглоссии. Думается, что модель Б.А. Успенского (несмотря на обширную критику в его адрес) следует признать верной, если рассматривать ее именно как идеально-типическую [ср. Ferguson 1959, Fishman 1975]. Сохранившиеся тексты данной эпохи — а именно они должны составлять практическую основу любых теоретических описаний — свидетельствуют, как кажется, именно о такой языковой ситуации. Предложенная модель годится и для описания т. н. «смешанных» текстов, например, текстов летописей, если ее «модифицировать» выделением «тематических единств» [Hüttl-Folter 1983] или текстовых микроблоков (т.е. различных подсортов текста).

Вышеназванные генетические различия церковнославянского и русского языков в ходе генезиса и изменения культурно-языковой ситуации постепенно переходят в функциональные, каковыми они окончательно становятся в начале XVIII в. [Живов 1996; 2009]. С функциональными целями элементы русского языка начинают сознательно допускаться в тексты религиозного содержания, составлявшие прежде основу языка церковнославянского. Та-

ким образом выделяется особый сорт текстов религиозного содержания с установкой на «понятность» содержания текста простому верующему. Язык таких текстов определяется как «простой». В.М. Живов [Живов 1996: 130 и след.] убедительно показывает, как данная «лингвистическая» установка формируется во взглядах Феофана Прокоповича. Он предлагает определять язык таких текстов как «гибридный церковнославянский» [Живов 1996: 31, 144 и др.] в отличие от «стандартного церковнославянского» в текстах Священного писания. М.Л. Ремнева [Ремнева 2003], рассматривая, в целом, те же группы текстов, но в несколько ином ракурсе, выделяет соответственно тексты с «нормой сниженного типа» и тексты с «книжно-славянской строгой нормой». К. Гутшмидт [Gutschmidt 1997], анализируя соответствующие тексты Франциска Скорины, видит в них «особый 'средний' идиом письменного языка». Не вдаваясь в терминологическую дискуссию, будем использовать здесь в рабочем порядке термин В.М. Живова «гибридный (церковнославянский) язык» для определения текстов на «простом» языке.

Как известно, по определению В.М. Живова, для текстов на «гибридном» языке характерно обязательное наличие маркированных элементов и широкая вариативность форм в области нерелевантных признаков. Маркированными признаками считаются прежде всего формы прошедшего времени: правильное употребление сложной системы прошедших времен как маркированных признаков церковнославянского и употребление претеритальной формы на -л как маркированного признака русского «простого» языка. Как показали наши исследования [Mengel 2002; 2004, Chelbaeva 2015], именно эту стратегию использовал в своих переводах немецкой религиозной душевспасительной литературы на «русский» язык в первой трети XVIII в. Симеон Тодорский, который стремился добиться понятности текстов простому верующему — в соответствии с установкой лютеран-пиетистов из Галле — именно введением маркированных признаков «простого» языка, особенно форм прошедшего времени на -л, в соответствующие подсорты текстов в текстах своих переводов, сохраняя при этом языковую направленность текстов как церковнославянских — в соответствии с церковной традицией русской православной церкви — на лексическом уровне.

Проблематичным для идентификации текстов на «простом» языке представляется такое положение вещей, когда в них отсутствуют маркированные формы претеритов на -л при наличии маркированных церковнославянских претеритов или вообще отсутствии форм прошедшего времени, но наличествует широкая вариативность форм в области нерелевантных признаков. Часто такие тексты представлены в гомилетической литературе (которая, по определению В.М. Живова, должна быть связана с «гибридным церковнославянским»), но также, например, и в паломнической литературе.

В докладе делается попытка предложить решение проблемы путем выделения текстовых микроблоков с определенными маркированными и вариативными признаками и анализа целевой направленности использования в данных микроблоках определенных признаков для достижения понятности и «простоты» языка, достойного также для «общения с Богом». Для анализа используются два перевода «*Te deum laudamus*», бытовавшего в России в XVIII в. и выполненного в Галле С. Тодорским для русскоязычного читателя, а также один еще не атрибутированный текст, представляющий собой молитву-восхваление Иисусу Христу, напечатанный, по всей вероятности, в начале XVIII в. в России или Юго-Западной Руси и хранящийся в архиве Фонда А.Г. Франке в Галле.

Литература

Успенский 1983 — Успенский Б. А. Языковая ситуация в Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. Москва, 1983.

Успенский 1987 — Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). München, 1987.

Ferguson 1959 — Ferguson Ch. A. Diglossia // In: Word. Journal of the Linguistic Circle of New York. 15 (1959). С. 325–340.

Fishman 1975 — Fishman J.A. Soziologie der Sprache. München, 1975.

Hüttl-Folter 1983 — Hüttl-Folter G. Die trat-, torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der russischen Literatursprache. Wien 1975.

Живов 1996 — Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. Москва, 1996.

Zhivov 2009 — Zhivov V. Language and Culture in Eighteenth-century Russia. Boston, 2009.

Ремнёва 2003 — Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. Москва, 2003

Gutschmidt 1997 — Gutschmidt K. Die Sprache der Vorreden Francisk Skorinas zu den Büchern des Alten Testaments und die sogenannte „einfache Sprache“ bei den orthodoxen Slaven // Guski A., Kosni W. (Hg.). Sprache — Text — Geschichte. München, 1997. С. 81–91.

Менгель 2002 — Менгель С. К истории становления русского литературного языка нового типа. // Известия Академии наук России. Серия литературы и языка, 61 (2002) 5. С. 35—40.

Mengel 2004 — Mengel S. Die „einfache Sprache“ der hallischen Bibelübersetzungen ins „Russische“. // Lehmann V., L. Udolph (Hg.). Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia. München, 2004. С. 233—241.

Chelbaeva 2015 — Chelbaeva T. „Русские книги“ из Галле в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа: дис. канд. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2015. <http://digital.bibliothek.uni-halle.de/hs/content/titleinfo/2399793>

Svetlana Mengel

Martin Luther University Halle-Wittenberg (Halle a.d. Saale)

swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

Problems of identification of texts written in «simple» russian language (some theoretical considerations)

The identification of texts written in the «simple» language is considered as problematic when these texts happen to be lacking the characteristic marked forms of the 1-preterite, but at the same time containing marked old church slavonic preterite forms or missing any past tense forms. The presentation proposes a solution for this problem by singling out micro-units in the text which contain certain marked and variative forms, and by analyzing the purpose of the use of certain characteristics within these micro-units in order to achieve comprehensibility and hence „simplicity“ of a language that is still considered appropriate for a „communication with god“.

Key words: *history of the Russian literary language, 18th Century*

References

Uspenskii 1983 — Uspenskii B. A. Yazykovaya situatsiya v Kievskoi Rusi i ee znachenie dlya istorii russkogo literaturnogo yazyka. Moskva, 1983.

Uspenskii 1987 — Uspenskii B. A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI-XVII vv.). München, 1987.

Ferguson 1959 — Ferguson Ch. A. Diglossia // In: Word. Journal of the Linguistic Circle of New York. 15 (1959). S. 325–340.

Fishman 1975 — Fishman J.A. Soziologie der Sprache. München, 1975.

Hüttl-Folter 1983 — Hüttl-Folter G. Die trat-, torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der russischen Literatursprache. Wien 1975.

Zhivov 1996 — Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. Moskva, 1996.

Zhivov 2009 — Zhivov V. Language and Culture in Eighteenth-century Russia. Boston, 2009.

Remneva 2003 — Remneva M. L. Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI-XVII vv. Moskva, 2003.

Gutschmidt 1997 — Gutschmidt K. Die Sprache der Vorreden Francisk Skorinas zu den Büchern des Alten Testaments und die sogenannte „einfache Sprache“ bei den orthodoxen Slaven // Guski A., Kosni W. (Hg.). Sprache — Text — Geschichte. München, 1997. S. 81–91.

Mengel' 2002 — Mengel' S. K istorii stanovleniya russkogo literaturnogo yazyka novogo tipa. // Izvestiya Akademii nauk Rossii. Seriya literatury i yazyka, 61 (2002) 5. S. 35–40.

Mengel 2004 — Mengel S. Die „einfache Sprache“ der hallischen Bibelübersetzungen ins „Russische“. // Lehmann V., L. Udolph (Hg.). Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia. München, 2004. S. 233–241.

Chelbaeva 2015 — Chelbaeva T. „Russkie knigi“ iz Galle v diskurse formirovaniya russkogo literaturnogo yazyka novogo tipa: dis. kand. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2015. <http://digital.bibliothek.uni-halle.de/hs/content/titleinfo/2399793>

Екатерина Мишина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия
kmishina@mail.ru

Об особенностях употребления нестандартных глагольных форм в древнерусских нарративных текстах*

Доклад посвящен анализу языковых особенностей в употреблении нестандартных глагольных форм, характерных для древнерусского нарратива. Анализируются контекстуальные и семантические факторы, влияющие на выбор книжниками той или иной глагольной формы для разных нарративных целей.

Ключевые слова: *глагольные формы, языковые стратегии, вид глагола, нарратив, древнерусский язык.*

Настоящая работа, во многом опирающаяся на подход и методики, реализованные в трудах Ю.С. Маслова [Маслов 1954], А.А. Зализняка [Зализняк 2008], В.М. Живова [Живов 2016], продолжает традицию исследования грамматических значений и дискурсивных функций глагольных форм в древнерусских текстах, а также выявления языковых стратегий, используемых древнерусскими книжниками.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 16–18–02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В. Виноградова.

Исследование функционирования основных повествовательных времен (аориста, имперфекта, а также причастных форм), проведенное на материале ранних древнерусских памятников, выявило некоторые особенности в употреблении глагольных форм, типичные именно для древнерусских памятников. Речь идет о таких нестандартных формах, как, с одной стороны, имперфект и действительное причастие настоящего времени, образованные от глаголов совершенного вида, а с другой, — аорист и действительное причастие прошедшего времени, образованные от глаголов несовершенного вида. Такие формы довольно редки и всегда употребляются в тексте на фоне более частотных стандартных форм, однако они не случайны и встречаются в определенных ситуациях и контекстах. Исследование значений, выражаемых данными формами, а также анализ их дискурсивных функций в тексте позволили сделать некоторые предположения о том, в каких именно случаях древнерусские книжники предпочитали использовать нестандартные формы, а также понять, что мотивировало книжников выбирать ту или иную форму, и для каких нарративных целей. Определяющими для выбора могли быть разные факторы: грамматические (особенности видо-временной семантики), семантические (лексическая семантика глаголов), контекстуальные (сочетаемость, тип дискурса, особенности жанра и т.п.).

Так, например, частотность употребления перфективного имперфекта в древнерусских памятниках, в частности, может зависеть от типов дискурса, представленных в памятниках разных жанров. Представляется, что перфективный имперфект типичен для более изысканного, развернутого нарратива, обычно представленного в агиографических произведениях (например, эта форма часто встречается в *Повести временных лет* и *Житии Феодосия Печерского*). Однако она не типична для простого повествования, и поэтому отсутствует (или представлена совсем единичными примерами), например, в *Девгениевом деянии* (простой эпический нарратив) и *Первой Новгородской летописи* (простой, безыскусный нарратив). Еще одним фактором, часто мотивирующим выбор форм имперфекта или действительного причастия настоящего времени от глаголов совершенного вида, является отрицание, снимающее противоречие между семантикой вида и времени. В контекстах с формой перфективного имперфекта практически всегда употребляется более частотная форма имперфекта от глаголов несовершенного вида. По-видимому, перфективный имперфект был более экспрессивным средством выражения, нежели имперфект несовершенного вида.

Выбор той или иной глагольной формы может определяться сочетаемостью и лексической семантикой глагола. Так, в древнерусских памятниках от глаголов пространственного положения (*сѣдѣти, лежати, стояти*) и некоторых других стативов, наряду с более обычными формами имперфекта и действительного причастия настоящего времени, встречаются формы аориста и действительного причастия прошедшего времени, которые употребляются в тех случаях, когда в контексте есть эксплицитное указание на то, как долго длилось действие (*дѣлго, мѣного, вѣсь дѣнь, малѣ часѣ, до замороза* и др.). Семантический компонент событийности, который имеется в аористе, плохо сочетается с компонентом беспредельности в семантике данных глаголов, но это противоречие снимается при указании временного интервала. В старославянских памятниках такие употребления форм аориста

и причастия прошедшего времени не засвидетельствованы, что позволяет характеризовать данную особенность как специфически древнерусскую.

Все эти, а также некоторые другие особенности будут представлены и проанализированы в докладе.

Литература

- Живов 2016** — Живов. В.М. История языка русской письменности: В 2 т. М., 2016.
- Зализняк 2008** — Зализняк А.А. Имперфект совершенного вида // Зализняк А. А. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008. С. 94–106.
- Маслов 1954** — Маслов Ю.С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Москва, 1954. Вып. 1. С. 68–138.
- Мишина 2012** — Мишина Е.А. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. № 2, М., 2012. С. 219–241.
- Мишина 2016** — Мишина Е.А. Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени в древнерусских летописях // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2016. Вып. 11. С. 418–436.

Ekaterina Mishina

Vinogradov Institute of the Russian language of the Russian Academy of Sciences, Russia
akmishina@mail.ru

On some peculiarities of the use of non-standard verb forms in Old Russian narrative texts

This paper deals with the analyses of some non-standard verb forms characterizing Old Russian written monuments and discusses contextual and semantic factors affecting the choice of one or another verb form for different narrative goals.

Key words: *verb forms, linguistic strategies, aspect, narrative, Old Russian.*

References

- Zhivov 2016** — Zhivov. V.M. Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti: V 2 t. M., 2016.
- Zaliznyak 2008** — Zaliznyak A.A. Imperfekt sovershennogo vida // Zaliznyak A. A. Slovo o polku Igoreve. Vzglyad lingvista. 3-e izd. M., 2008. S. 94–106.
- Maslov 1954** — Maslov Yu.S. Imperfekt glagolov sovershennogo vida v slavyanskikh yazykakh // Voprosy slavyanskogo yazykoznanija. Moskva, 1954. Vyp. 1. S. 68–138.
- Mishina 2012** — Mishina E. A. «Situatsiya naprasnogo ozhidaniya» i otritsanie // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. № 2 (24). M., 2012. S. 219–241.
- Mishina 2016** — Mishina E. A. Ob osobykh upotrebleniyakh form aorista i deistvitel'nogo prichastiya proshedshego vremeni v drevnerusskikh letopisyakh // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. M., 2016. Vyp. 11. S. 418–436.

Мария Новак

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия
mariaonovak@gmail.com

Фрагменты толкований на Деяния в Толстовском Апостоле XIV в.: новые данные*

В тезисах характеризуются ранее не изученные фрагментарные толкования на книгу Деяний в составе Толстовского Апостола XIV в. Даны сведения о содержании, византийских источниках и грамматическом облике славянского перевода. Выяснено, что в переводе допущено как сокращение, так и расширение исходного текста, а также свободная передача ряда граммем оригинала.

Ключевые слова: Толстовский Апостол, Деяния, толкования, перевод

В настоящем сообщении предлагаются наблюдения над фрагментами толкований на книгу Деяний, представленных в Толстовском Апостоле (XIV в., РНБ, Q.п.1.5, далее *Толст*) на л. 84а–б, после завершения основного текста Деяний, который расположен в данной рукописи после посланий ап. Павла и соборных посланий. Единственное краткое упоминание об этих фрагментах удалось обнаружить лишь в [Сводный каталог 2002: 587], где они определяются как толкования «на первые два зачала Деяний». В действительности обсуждаемый текст имеет отношение только к трем стихам книги Деяний: 11, 1:4 и 1:12. Он представляет собой четыре раздела разного объема, занимающие в общей сложности один столбец. Каждый из них представляет собой самостоятельный абзац, отделяемый от других красной строкой и малым киноварным инициалом (как и в основном тексте *Толст*). Это разделение на абзацы не соотносится с рубрикацией соответствующих мест в основном тексте (л. 62в). Заглавие также отсутствует, однако между окончанием текста Деяний и нашими фрагментами свободны три строки, как если бы предполагалось вписать заголовок позднее. Последний раздел производит впечатление незавершенного. Отсылка к источникам толкований в славянском тексте нет.

Наши поиски упомянутых источников не дали стопроцентного результата, однако для большей части текста увенчались успехом. Выяснено, что половина первого и весь второй (самый крупный) раздел содержат перевод начала первой гомилии Иоанна Златоуста на Деяния, где утверждается, что книга Деяний малоизвестна, однако по богодухновенному достоинству и назидательности не уступает Евангелиям [Migne 1862: 13–14; Phillips 2009: 80–81]. Фактически, данный фрагмент не имеет отношения к какому-либо конкретному новозаветному чтению, представляя собой вступление к книге в целом. Третий раздел, к которому греческий параллельный текст подобрать не удалось, поясняет два варианта перевода причастия *συνάλιζόμενος* ‘eat salt with, eat at the same table with’ [TLG] в Деян.1:4, *ѣдь и съвъкупляся* (о причинах двоя-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-04-00213, «Древнерусские списки Апостола XII-XIV вв.: лингвистическое исследование и электронная публикация»).

кого понимания этой формы в переводах и экзегезе см. [Barrett 2004: 71–72]). Он начинается словами Друзии гл~ть, что может указывать на некий пока не обнаруженный экзегетический источник. Четвертый раздел представляет перевод фрагмента катены на Деян.1:12 [Catenae 1838: 10], где со ссылкой на «Строматы» Оригена поясняется выражение «субботы путь».

Поскольку объем публикации не позволяет привести славянский текст целиком, ниже комментируются отдельные феномены перевода — с точки зрения способов и точности передачи единиц оригинала разных уровней.

1. Синтаксис и трансформации исходного текста.

1.1. Μὴ δὴ λοιπὸν παρatreχόμεν αὐτὸ, ἀλλὰ μετὰ ἀκριβείας ἐξετάζωμεν ἕδα впредь не обойдем же ее (книгу) вниманием, но строго рассмотрим': Тем же истовоу испг³таимъ. Синтаксическая ситуация замещения меняется в славянском переводе на ситуацию следствия, с утратой первой части исходного предложения.

1.2. Ἡ τοῦ σαββάτου ὁδὸς, ὡς φησὶν Ὁριγένης ἐν τῷ ε' Στρωματεῖ, δισχιλίῳν πηχῶν ὑπῆρχε· καὶ μᾶλλον ἢ ἁγία σκηνὴ καὶ κιβωτὸς τοσοῦτον διάστημα προελάμβανον τὴν παρεμβολήν· καὶ ἀπὸ τοσοῦτον διαστήματος ἐσκήνου 'Субботы путь, как говорит Ориген в пятой [книге] «Стромат», двух тысяч локтей был; и точно так же святая скиния и кивот на такое расстояние опережали лагерь; и на таком расстоянии располагались' (имеется в виду ветхозаветная книга Исход) : Субот³ путь. скаЗаўт³ оригенъ двою т³сящю локотъ суще имъже с~ты храмъ · и ковчегъ толь далече · идѣаше полка и стояше. Наблюдается, во-первых, опущение ссылки на пятую книгу — упоминается лишь имя автора; во-вторых, в переводе отсутствует эквивалент для конструкции ἀπὸ τοσοῦτον διαστήματος.

1.3. ὁ διάστημα ἐξῆν τοῖς προσκυνουοῦσι τὴν ἁγίαν σκηνὴν βαδίξειν ἐν σαββάτῳ 'это расстояние разрешалось поклоняющимся святой скинии проходить в субботу' : сего дѣля и въ субботу лѣтъ бѣаше ходити имъ · толико удалень путь · поклонятъся ковчегу. Налицо радикальная перестройка порядка слов и расширение текста за счет появления ряда единиц различного грамматического статуса: сего дѣля, имъ, толико, удалень.

2. Передача граммем оригинала.

2.1. Греко-славянская корреляция τὸ βιβλίον (Sg.) : книгъ³ (мн. ч.) обусловливает присутствие славянских плюралных форм в развертывании текста: τοῦτ' τὸ βιβλίον οὐδ' ὅτι ἐνὶ γνώριμόν ἐστιν (adj. Sg. + 3 Sg. prae.) : не Знаўмъ³ суть сиа книгъ³; ὠφελῆσαι δυνήσεται 'сможет быть полезным' (inf. aor. + 3 Sg. fut.) : испѣти могутъ; ἐμπέλησται (3 Sg. perf.) : суть полнъ³. Данное обстоятельство вполне согласуется с общей традицией славянской книжности употреблять кънигъ³ как pluralia tantum [SJS 1966–1997 II: 91–92].

2.2. ἦκουσαν (aor.) : слъ³шали бѣша (плюсквамперфект). Такой выбор продиктован последующей цитатой из Евангелия. Славянский переводчик точно чувствует временную перспективу: момент в прошлом, когда апостолы слышали слова Христа, предшествует моменту, когда они стали свидетелями вознесения Спасителя и сошествия Св. Духа.

2.3. ὑπῆρχε (perf. 3 Sg.) : суще (причастие мн. ч.). Передача финитной формы глагола причастием и ранняя утрата последним согласования по роду и числу, широко известны в переводной книжности (см., например, [Шарихина 2016]). Нельзя исключать также, что в прототипе текста могло находиться причастие мужского рода суще.

2.4. ἐξῆν τοῖς προσκυνοῦσι (part. Dat. Pl.) : лёть бѣаше... имь... покланятъся (супин). Значение датива делегировано в переводе указательному местоимению, не имеющему эквивалента в греческом, тогда как супин сообщает синтагме целевую семантику.

Краткий обзор, вне которого вынужденно остались лексические данные, позволяет сделать вывод о достаточно свободной интерпретации текста переводчиком.

Литература

Сводный каталог 2002 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век (Том 1). М., 2002.

Шарихина 2016 — Шарихина М.Г. Синтаксические особенности славяно-русской переводной агиографии XIV–XV вв.: стилистический аспект (на материале русских списков Жития Николая Мирликийского). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.

Barrett 2004 — Barrett C.K. A Critical and Exegetical Commentary on the Acts of the Apostles. London — New York, 2004.

Catenaе 1838 — Graecorum patrum in Novum Testamentum / ed. J.A. Cramer. T. III. In Acta SS. Apostolorum. Oxonii, 1838.

Migne 1862 — Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Vol. 60. Paris: Petit-Montrouge, 1862.

Phillips 2009 — Phillips T.E. Contemporary Studies in Acts. Mercer University Press, 2009.

SJS 1966–1997 — Slovník jazyka staroslověnského (*Lexicon linguae palaeoslovenicae*). I–IV. Ed. J. Kurz a kol. Praha, 1966–1997.

TLG — Thesaurus Linguae Graecae. Электронный ресурс: <http://stephanus.tlg.uci.edu/ljs/#eid=102015&context=lsj&action=from-search> (дата обращения 25.12.2016).

Maria Novak

Kazan Federal University, Russia

mariaonovak@gmail.com

Fragments of Commentaries on Acts in XIV Century Tolstovskij Apostolus: New Data

The paper characterizes unknown fragments of patristic commentaries on the Acts of the Apostles presented in XIV century Tolstovskij Apostolus, and considers contents, Byzantine sources, and grammatical features of Slavonic translation. The author ascertains both reduction and expansion of the source text as well as flexible interpretation of its grammatical categories.

Key words: *Tolstovskij Apostolus, Acts, commentaries, translation*

References

Svodnyi katalog 2002 — Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii: XIV vek (Tom 1). М., 2002.

Sharikhina 2016 — Sharikhina M.G. Sintaksicheskie osobennosti slavyano-russkoi perevodnoi agiografii XIV–XV vv.: stilisticheskii aspekt (na materiale russkikh spiskov Zhitiya Nikolaya Mirlikiiskogo). Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2016.

Barrett 2004 — Barrett C.K. A Critical and Exegetical Commentary on the Acts of the Apostles. London — New York, 2004.

Catena 1838 — Graecorum patrum in Novum Testamentum / ed. J.A. Cramer. T. III. In Acta SS. Apostolorum. Oxonii, 1838.

Migne 1862 — Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Vol. 60. Paris: Petit-Montrouge, 1862.

Phillips 2009 — Phillips T.E. Contemporary Studies in Acts. Mercer University Press, 2009.

SJS 1966–1997 — Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. Ed. J. Kurz a kol. Praha, 1966–1997.

TLG — Thesaurus Linguae Graecae. Elektronnyi resurs: <http://stephanus.tlg.uci.edu/lsg/#eid=102015&context=lsg&action=from-search> (data obrashcheniya 25.12.2016).

Ежи Остапчук

Христианская Богословская Академия в Варшаве, Польша
jostap@wp.pl

Врачанское Евангелие и его издание Б. Цоневым в 1914 году

Врачанское Евангелие (I пол. XIV в.) — один из приблизительно 5000 текстов славянских Евангельских рукописей, из приблизительно 500 всех видов апракосов и из 65 кратких апракосов. Осуществленное в 1914 г. Беньо Цоневым [Цонев 1914] издание памятника уже более ста лет заменяет подлинник и используется в исследованиях учеными. Оно не переиздавалось, не печатался к нему и перечень неточностей. Доклад посвящен результатам сравнения издания 1914 г. Б. Цонева и подлинника Врачанского Евангелия.

Ключевые слова: *Врачанское Евангелие, издание, Беньо Цонев, 1914*

Врачанское Евангелие представляет собой одну из приблизительно 5000 известных ныне славянских рукописей с текстом св. Евангелия, одну из приблизительно 500 славянских рукописей евангельских апракосов и одну из 65 славянских рукописей евангельских кратких апракосов.

Издание текста Врачанского Евангелия, датируемого первой половиной XIV в., осуществлено в 1914 г. Беньо Цоневым [Цонев 1914], болгарским славистом-языковедом, специалистом по истории болгарского языка, диалектологом и палеографом, составителем первого описания славянских рукописей Национальной библиотеки Святых Кирилла и Мефодия в Софии. Беньо Цонев является также основателем издаваемой Болгарской Академией Наук серии «Болгарские старины», первый том которой напечатан в 1906 г. и посвящен Добрейшеву Евангелию.

Издание текста Врачанского Евангелия вместе с описанием и исследованием составило четвертый том серии «Болгарские старины». Оно уже более ста лет заменяет подлинник и используется в исследовании ученых, не имевших прямого доступа к источнику. Единственное, но относительно труднодоступное издание Врачанского Евангелия не переиздавалось. Более ста лет не печатался к нему и перечень неточностей.

Издания других рукописей св. Писания (среди кратких апракосов можно указать на Ассеманиево и Остромирово Евангелия, Саввину книгу, Туровское и Архангельское Евангелия) либо переиздавались (даже несколько раз), либо имеют перечень неточностей.

Врачанское Евангелие, а на самом деле его издание, используется учеными в исследованиях и критических изданиях славянского перевода св. Писания. Учитывая существующие в науке мнения (например, [Алексеев 2003]) относительно соответствия изданий их подлинникам, необходимым оказалось сравнение единственного издания Врачанского Евангелия с рукописью. Доклад посвящен результатам сравнения издания 1914 г. Б. Цонева и подлинника Врачанского Евангелия.

Литература

Алексеев 2003 — Алексеев А. А. Перспективы текстологии: от реконструкции архетипа к истории текста // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. Т. 54. С. 50–57.

Цонев 1914 — Цоневъ Б. Врачанско евангеле: Среднобългарски паметникъ отъ XIII векъ София, 1914. (Български старини, кн. 4).

Ezhi Ostapchuk

The Christian Theological Academy in Warsaw, Poland

jostap@wp.pl

Vraca Gospel Lectionary and it's edition of B. Conev in 1914

Vraca Gospel lectionary (I half XIV c.) — one out of about 5000 Slavic Gospel manuscripts, about 500 all types of lectionaries and 65 abbreviated Gospel aprakoses. Edition of Vraca Gospel, published in 1914 by B. Conev [Цонев 1914], for more than 100 years is used instead of the manuscript in scientific research. This publication was not republished. Neither the errata was published. The results of the comparison of the edition of Vraca Gospel and its manuscript will be presented.

Key words: *Vraca Gospel lectionary, editon, Beno Conev, 1914*

References

Alekseev 2003 — Alekseev A. A. Perspektivy tekstologii: ot rekonstruktsii arkhetaipa k istorii teksta // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury IRLI RAN. T. 54. С. 50–57.

Tsonev 1914 — Tsonev” B., Vrachansko evangele: Srednob”lgarski pametnik” ot” XIII vek” Sofiya, 1914. (B”lgarski starini, kn. 4).

Павел Петрухин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия
ppetrukhin@gmail.com

Конструкция «быть с причастием настоящего времени» в древнерусских и среднелатинских текстах*

В докладе будет предложен сравнительный анализ употребления конструкции «быть с причастием настоящего времени» в средневековых восточнославянских и латинских текстах.

Ключевые слова: причастия, церковнославянский язык, среднелатинский язык.

Конструкция типа *баше/бъ хода* пришла в древнерусский книжный язык из славянских переводов Библии, где она является калькой с греческого. В свою очередь, в Септуагинте она обычно калькирует аналогичное древнееврейское сочетание. Частотность конструкции в оригинальных восточнославянских текстах прямо пропорциональна степени их ориентированности (как языковой, так и смысловой) на образцовые библейские тексты. Механизм использования конструкции в оригинальной письменности указывает на глубокое усвоение древнерусскими книжниками языка славянских библейских переводов: конструкция не просто служит маркером принадлежности оригинального текста (например, летописи или жития) к библейской языковой традиции, но употребляется в тех же типах контекстов, что и библейский «прототип».

Любопытную аналогию к описанной ситуации содержит средневековая латинская литература. Чуждая классической латыни, конструкция типа *erat dicens* известна Вульгате, где она калькирует те же самые греческие сочетания. Отсюда она переходит в оригинальные латинские тексты.

Поскольку древнерусская и среднелатинская конструкции имеют общий источник, их употребление удивительно схоже. Тем самым, конструкция «*быть с причастием настоящего времени*» оказывается своеобразной «изоглоссой», объединяющей две письменные традиции.

В качестве древнерусского материала будет рассматриваться главным образом «Повесть временных лет» и «Житие Феодосия Печерского», а в качестве латинского – «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского (1-я треть XIII в.).

P. Petrukhin

Vinogradov Institute of the Russian language of the Russian Academy of Sciences, Russia
ppetrukhin@gmail.com

The construction 'byti with the present participle' in Old Russian and Medieval Latin texts

The talk will offer a comparative analysis of the use of the construction 'byti with the present participle' in medieval East Slavic and Latin texts.

Key words: participles, Old Church Slavonic, Middle Latin.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Анна Плотникова

Институт славяноведения РАН, Россия
annaplotn@mail.ru

Ольга Трефилова

Институт славяноведения РАН, Россия
tref@abv.bg

Старообрядческий исповедальник Латгалии: лингвокультурный анализ текста

Во время экспедиции к староверам Латгалии (Латвия) группа славистов, исследователей русского языка старообрядцев за рубежом, получила в подарок от отца Василия Тришкина, наставника моленной «беспоповцев» на Гайке в г. Даугавпилсе, сканированную копию исповедальника, используемого в беседах с прихожанами. По мере исследования рукописи выяснилось, что исповедальник по содержанию, структуре и особенностям языка восходит к текстам дониконовской sprawy XVII в.

Ключевые слова: *книжная справа, богослужебная реформа XVII в., повесть, старообрядцы, поморское согласие, запреты*

Во время этнолингвистического обследования старообрядцев Латгалии (восточная часть Латвии), состоявшегося 15–29 июня 2016 г. в рамках проекта РНФ № 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы» (см. [Плотникова 2016; Пилипенко 2016]), сотрудники Института славяноведения РАН, получили в подарок сканированную рукопись исповедальника, используемого отцом Василием в моленной на Гайке (Даугавпилс) во время церковной практики.

Старообрядцы Латгалии — беспоповцы поморского согласия, которое начало складываться после Соловецкого восстания 1667–1676 гг. и первоначально было связано с неподчинением соловецких монахов богослужебной реформе середины XVII в., немолением за царя и за патриарха, а затем и отрицанием священства: поморцы связывали восшествие на престол патриарха Никона с пришествием антихриста и, соответственно, не признавали священников, рукополагаемых «антихристом».

Функцию духовенства у поморцев выполняют наставники моленных (молитвенных домов), при этом важное значение придается крещению и исповеди (покаянию). В исповедальнике, любезно предоставленном группе исследователей отцом Василием Тришкиным, отражены основные запреты староверов, о которых шла речь с наставником в устной беседе. По его словам, это древний текст староверов («у меня рукописный текст, я даже не знаю, какого года и какого века»), приспособленный к условиям современной жизни прихожан. Содержание «жестких» вопросов на исповеди связано с тем, по его мнению, что беспоповцам, не признающим священников, рукополагаемых после никоновской реформы, пришлось «взять более строгий — монастырский — устав», чтобы не отдаляться от Бога: «Раньше не было так строго, а когда произошло разделение церкви и когда пошли в из-

гнание, вот, после этого сразу стало более, так сказать, жёсткие требования к верующим, потому что нету священства. Значит, мы уже автоматически, получается, отдалены от Бога. И чтоб стать ближе, поэтому мы должны более, так сказать, серьёзно к этому относиться. Вот у нас вся жизнь строилась по монастырскому уставу, понимаете? Весь, вот порядок службы, начнём с этого. Идёт монастырский устав для простых прихожан, мирян. Раньше, когда священство было, ну, как щас у православных, также самое: там на час-два пришли — и всё, и разошлись. А так как нету священства, то монастырский устав, соответственно. В посту питание. Тоже — по монастырскому уставу: в этот день можно с маслом, в этот день с постным маслом нельзя».

Исследование исповеди в православной церкви в каноническом и обрядовом аспекте на рукописном и старопечатном материале проводилось в конце XIX в. А. И. Алмазовым, профессором Московского и Казанского университетов [Алмазов 1894], исторический аспект русских исповедных вопросников затрагивается также в работе [Корогодина 2006]. В русских рукописных служебниках и требниках чин исповеди варьируется, как и в греческих, и дополняется вопросами, характеризующими уже русскую культуру, особенно в части, касающейся суеверий.

Наше внимание к дореформенным требникам обусловлено тем, что они использовались и поныне используются в старообрядческой среде. В частности, большинство старопечатных требников в рукописных отделах наших библиотек поступило туда в результате археографических экспедиций к старообрядцам. Листы, на которых находится чин исповеди в требниках, являются наиболее загрязненными, что свидетельствует о частом обращении к этому тексту. Беспоповские общины в этом отношении не просто не являлись исключением, а скорее всего, использовали старые книги с чином исповеди наиболее активно, так как исповедь и покаяние составляют у беспоповцев таинство, которое те постоянно практикуют. При переписывании чина исповеди часть текста могла изменяться и варьироваться, т. е. текст чина исповеди в дореформенном требнике использовался старообрядцами скорее как образец, дополнявшийся вопросами, касавшимися традиционной обрядности и культуры конкретной общины. Часть вопросов и даже большие куски текста могли опускаться ввиду исчезновения исторических реалий, например, целиком опускался вопросник приказным людям.

Исследуемый исповедный вопросник, восходящий к чину исповеди в дореформенных требниках, включает: общие вопросы (которые, однако, ориентированы скорее на мужчин, нежели на женщин); специальные вопросы мужчинам (ø здѣ мѣжемъ), женщинам (женаУмъ), вопросы общей и тайной исповеди («на едине»: øбѹаа и| наU единеU), вопросы мужчинам и женщинам общей и тайной исповеди (wfbѹаа, мѣ-жемъ, и| женаУмъ, наU единеU), вопросы наставникам (øцеумъ дх\wивнымъ), «вопроУсы дѣбѹтемъ маUлымъ».

Запреты и предписания вопросника основываются на понимании греха в этой староверческой общине. В тексте вопросника прослеживаются традиционные для русских обычаи и привычки, осуждаемые беспоповцами:

- встречать хлебом-солью,
- пить чай, кофе, есть сласти,
- курить,
- качаться на качелях, кататься на конях, устраивать гонки (ритуальные действия для обеспечения плодородия, весенние игры молодежи),

- хулить Божии творения (погоду, дождь, снег),
- суеверия, гадание, ворожба, завязывание узлов (есть в требниках),
- петь песни (бесовские, т.е. не духовные), слушать светскую музыку, плясать, играть в игры, в карты, читать и слушать «смеховую» литературу,
- ругаться, особенно матом, называть человека половыми органами, во гневе показывать гениталии (есть в требниках),
- причитать по мертвым, ритуальное поведение оплакивания (рвать волосы, драть лицо) (есть в требниках),
- страховать себя,
- работать в праздники (4-я заповедь) (есть в требниках),
- мочиться лицом к востоку,
- брить бороду, усы, (ср. с рукописными чинами исповеди у Алмазова: «не проказил ли своего образа, не брил ли усы и бороду»),
- рядиться ритуально («снаряжаться»),
- ходить женщине в церковь, крестить во время регул,
- пищевые запреты (есть слепорождающихся животных, мертвечину).

В докладе будет представлен обзор графических особенностей и ошибок при употреблении букв церковнославянского языка (например, в ряде мест переписчик не различает *ѣ* и *ь*, для него эти буквы являются скорее маркером книжности); гибридных церковнославянско-русских написаний («объаденїа»: «Не твориУл ли объа//дѣ-нїа»); написаний, которые свидетельствуют о наличии старопечатного антиграфа данного исповедальника и приверженности староверов этой традиции; будет рассмотрено употребление диакритик, особенности акцентуации и т.д. Так, словоформы с церковнославянскими ударениями немногочисленны, но они как бы маркируют саму рукопись, придают ей книжный характер, несмотря на то что язык исповедальника, строго говоря, церковнославянским не является.

Среди языковых особенностей исповедальника в первую очередь выделяются 1) грамматические; 2) лексические. И те и другие включают церковнославянизмы, русизмы, диалектизмы. Несмотря на то, что рассматриваемый чин исповеди восходит к тексту требника, язык старообрядческого исповедальника не тождествен языку требника (будет представлена таблица текстологических сходжений). Это не упрощенный церковнославянский язык и даже не гибридный церковнославянско-русский, а скорее русский язык, содержащий церковнославянские слова и обороты.

Литература

Алмазов 1894 — Алмазов А.[И.] Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней *истории*. Исследование преимущественно по рукописям. Т. 1–3. Одесса, 1894.

Корогодина 2006 — Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв.: исследование и тексты. СПб., 2006.

Пилипенко 2016 — Пилипенко Г. П. Полевое исследование старообрядцев в Латвии // Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 504–509.

Плотникова 2016 — Плотникова А. А. Об экспедиции к латгальским староверам // Живая старина. 2016. № 4. С. 50–53.

Anna Plotnikova

The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
annaplotn@mail.ru

Olga Trefilova

The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
tref@abv.bg

Old Believer's questionnaire from Latgale: linguocultural analysis of the text

During the expedition to the Old Believers in Latgale (Latvia) a group of Slavists investigating Russian language of Old Believers abroad received a gift from father Basil Trishkin, a mentor of Gayok Old Believers' House of Prayer (Daugavpils), a scanned copy of the questionnaire on confession used in conversations with parishioners. As the study of the manuscript revealed the questionnaire according to its content, structure and features of language dates back to the texts of the pre-Affairs of the XVII century.

Key words: *Pre-reform texts, the questionnaire in the confession, Old believers, Pomorian concord, bans*

References

Almazov 1894 — Almazov A. [I.] *Tainaya ispoved' v pravoslavnoi vostochnoi tserkvi. Opyt vneshnei istorii. Issledovanie preimushchestvenno po rukopisyam*. T. 1–3. Odessa, 1894.

Korogodina 2006 — Korogodina M. V. *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv.: issledovanie i teksty*. SPb., 2006.

Pilipenko 2016 — Pilipenko G. P. *Polevoe issledovanie staroobryadtsev v Latvii // Slavyanskii al'manakh*. 2016. № 3–4. S. 504–509.

Plotnikova 2016 — Plotnikova A. A. *Ob ekspeditsii k latgal'skim staroveram // Zhivaya starina*. 2016. № 4. S. 50–53.

Наталья Пуминова

Российский государственный гуманитарный университет, Россия
natalia.puminova@gmail.com

Дискуссии о форме таинств в православно-католическо-униатской полемике в Речи Посполитой в 40-е годы XVII века

В докладе рассматривается место и значение учения о форме таинств в межконфессиональной полемике в Речи Посполитой в 40-е гг. XVII в. на основе анализа трех генетически связанных произведений: «Перспективы» Кассиана Саковича, «Лифоса» Петра Могилы и «Зеркала» Пахомия Война-Оранского. Осуществляется попытка сопоставления используемых авторами способов отстаивания своих позиций, а также намечаются некоторые отличия их аргументации от приводимой в московских полемических сочинениях.

Ключевые слова: *межконфессиональная полемика, сакраментология, Петр Могила, Кассиан Сакович, Пахомий Война-Оранский*

В католическом богословии после Тридентского собора центральное место в сакраментологии занимает учение о четырех «вещях», необходимых для свершения таинства — форме и материи таинства, иерее и интенции. Впоследствии именно отсутствие учения об этих четырёх составляющих станет одним из основных обвинений, выдвигаемых против православных и униатских авторов их католическими противниками. В данном исследовании мы обратимся к рассмотрению учения о форме таинства, как оно представлено в «Перспективе, или Изображение заблуждений, ересей и суеверий Греко-Русской дезунитской Церкви» Кассиана Саковича, а также в двух сочинениях, созданных в качестве ответа на оную, — в «Лифосе» киевского митрополита Петра Могилы и в «Зеркале» («Zwierciadło albo zaslona...») греко-католического епископа Турово-Пинской епархии Пахомия Война-Оранского.

В «Перспективе» Кассиана Саковича замечания об искажении или даже об отсутствии формы мы найдем в отношении практически всех таинств, за исключением лишь таинства рукоположения. Многие православные и униатские священники, по мнению полемиста, не имеют понятия о форме крещения, миропомазания, венчания и покаяния. Сакович также называет три различных варианта формулы причастия, встречающиеся в православной церкви, и четыре варианта формулы таинства елеопомазания.

Стоит отметить, что Сакович в «Перспективе» не приводит ни формул таинств, принятых в церкви католической, ни последовательной аргументированной критики православной сакраментологии, а круг источников, им упоминаемых, ограничивается по преимуществу Священным Писанием и, в редких случаях, творениями Отцов Церкви.

Через два года после появления «Перспективы» киевский митрополит Петр Могила в трактате «Лифос» излагает своеобразную апологию православной сакраментологии. Безусловно, основным способом доказательства своей правоты у Могилы, как и у православных полемистов начала XVII в., была апелляция к тексту авторитетного источника, прежде всего к тексту Священного Писания и творениям Отцов Церкви. Подтверждение этому мы можем найти, в частности, в разделах, посвященных крещению и причастию. В первом случае Могила ссылается на трактат «О церковной иерархии» Дионисия Ареопагита, во втором приводит фрагмент из «Беседы о предательстве Иуды» Иоанна Богослова.

Более многоуровневая аргументация приводится в разделе, посвященном таинству миропомазания, где Могила демонстрирует полное соответствие православной формулы не только исконным образцам первых веков христианства, но и современному ему католическому богословию, для чего цитирует сочинения иезуита Корнелия Лапида. Подобное обращение к произведениям, созданным в рамках схоластической традиции, как к авторитетным источникам, встречается и в рассуждениях о таинстве елеопомазания.

Стоит отметить, что к рассуждениям о форме таинства Могила обращается также в разделе, посвященном таинству рукоположения, при том, что Сакович в «Перспективе» о форме рукоположения не упоминает. Более того, Могила не только излагает православное учение при помощи католических концептов, но и использует их в своих целях. Критикуя католический обычай помазания рукополагаемого елеем, киевский митрополит настаивает на том, что подобное помазание, не являясь ни формой, ни материей таинства, не может считаться его существенной составляющей.

Если Могила старается отреагировать на все пункты обвинения Саковича, то Пахомий Война-Оранский в «Зеркале» реже касается теологических аспектов, уделяя больше внимания церковным обычаям и проблеме симонии. Вопрос о форме таинств затрагивается им в изложении учения о венчании и елеопомазании. В первом случае Война-Оранский ограничивается утверждением об использовании той же самой формулы при венчании как вдовствующих, так и девиц, тогда как форма таинства елеопомазания рассматривается в «Зеркале» более подробно. Отстаивая допустимость формулы «Отче Святыи, Врачу душ и телес», Война-Оранский, во-первых, обращает внимание на то, что никто из католических богословов не выступал против этой формулы, во-вторых, настаивает на том, что в ней имплицитно заключена форма, принятая Латинской Церковью.

Стоит обратить внимание, что ни в одном из анализируемых нами текстов мы не найдем доказательств, основанных на грамматическом разборе слов формулы, которые будут играть значительную роль в произведениях московских авторов. Вопрос о форме таинства обостряется в Московском царстве в конце XVII в., в рамках дискуссий о времени пресуществления святых даров между грекофилами и латинствующими. Как представитель грекофилов Евфимий Чудовский, так и «латинствующий» Сильвестр Медведев анализируют формулу «И сотвори убо хлеб сей честное Тело Христа Твоего, а еже в чаши сей — честную Кровь Христа Твоего, преложив Духом Твоим Святым». Чудовский основывает своё рассуждение на разборе местоимения «еже», а Медведев — деепричастия «приложив». Именно грамматические объяснения кажутся московским авторам наиболее наглядными и доступными, а потому и более действенными.

Таким образом, можно заметить, что представление о единстве филологии и философии, характерное для русской средневековой мысли и сохранившееся некоторым образом в Московской Руси, практически не прослеживается в произведениях, созданных в Речи Посполитой. Кроме того, не только Пахомий Война-Оранский, но и Петр Могила обосновывают истинность униатского и православного учения соответственно их согласованностью с учением католическим, причем ссылки на латинские трактаты в «Лифосе» можно найти гораздо чаще, чем в «Зеркале» или «Перспективе».

Литература

Лифос 1893 — Лифос або kamien z prochy prawdy cerkwie świętej prawosławniej ruskiej // Архив ЮЗР. Часть 1. Том IX. Киев, 1893. С. 1–414.

Медведев 1896 — [Медведев Сильвестр]. Книга о Манне хлеба животного // Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 452–538.

Чудовский 1896 — Чудовский Евфимий. Опровержение латинского учения о пресуществлении // Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 434–450.

Sakowicz 1642 — *Sakowicz K. Epanorthosis або perspektywa i objaśnienie błędów, herezyey, zabobonow w Greckiej Cerkwi Dysunitskiej tak w artykułach wiary, jako w administrowaniu sakramentow i w inszych obrządkach i ceremoniach znajdujących się...* Kraków, 1642.

Wojna-Orański 1645 — *Wojna-Orański P. Zwierciadło albo zaślona... naprzeciw uszczypliwej Perspektywie* ks. Kassiana Sakowicza... Wilno, 1645.

Natalia Puminova

Russian State University for the Humanities, Russia

natalia.puminova@gmail.com

Discussions on the form of sacraments in the Orthodox-Catholic-Uniate polemic in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 1640s.

The author analyses the place and role of teaching on the form of sacraments in the interfaith polemic in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 1640s on the basis of three genetically related works: “The Perspective” by Cassian Sakowicz, “Lithos” by Peter Mohila and “The Mirror” by Pachomiusz Wojna-Oranski. An attempt to compare ways of supporting own views adopted by those authors is undertaken and some contrast with the methods of argumentation applied in Moscow polemic works is noticed.

Key words: *interfaith polemic, sacramentology, Metropolitan Peter (Peter Mogila), Cassian Sakowicz, Pachomiusz Wojna-Oranski.*

References

Chudovskii 1896 — *Chudovskii Evfimii*. Oproverzhenie latinskogo ucheniya o preshchestvlenii // Prozorovskii A. A. Sil'vestr Medvedev: (Ego zhizn' i deyatel'nost'). M., 1896. S. 434–450.

Lifos 1893 — Lifos abo kamien z prochy prawdy cerkwie świętej prawosławniej ruskiej // Arkhiv YuZR. Chast' 1. Tom IKh. Kiev, 1893. S. 1–414.

Medvedev 1896 — [Medvedev Sil'vestr]. Kniga o Manne khleba zhivotnogo // Prozorovskii A. A. Sil'vestr Medvedev: (Ego zhizn' i deyatel'nost'). M., 1896. S. 452–538.

Sakowicz 1642 — *Sakowicz K.* Epanorthosis abo perspektywa i objaśnienie błędów, herezyey, zabobonow w Greckiej Cerkwi Dysunitskiej tak w artykułach wiary, jako w administrowaniu sakramentow i w inszych obrządkach i ceremoniach znajdujących się... Kraków, 1642.

Wojna-Orański 1645 — *Wojna-Orański P.* Zwierciadło albo zastona... naprzeciw uszczypliwej Perspektywie ks. Kassiana Sakowicza... Wilno, 1645.

Франческа Ромоли

Университет Пизы, Италия

francescaromoli@libero.it

Полемика против астрологии Максима Грека и ее западные источники

Доклад посвящен исследованию возможного влияния, которое анти-астрологические взгляды Джироламо Савонаролы оказали на сочинения Максима Грека против астрологии. Ряд конкретных данных позволяет автору предположить, что «Trattato contra li astrologi» Дж. Савонаролы служил моделью для «Слово противу тщасихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» М. Грека.

Ключевые слова: *Джироламо Савонарола, Максим Грек, астрология, итальянский гуманизм, Московская Русь в 16-ом веке*

Francesca Romoli

University of Pisa

francescaromoli@libero.it

The Controversy against Astrology of Maxim the Greek and its Western Sources

The article focuses on the influence that Savonarola's works against astrology possibly had on ones by Maxim the Greek. On the basis of concrete analogies, the author formulates the conclusion that *Trattato contra li astrologi* served as model for *Slovo protivu tščaščichsja zvezdozreniem predricati o buduščich i o samovlastii čelovekom*.

Key words: *Girolamo Savonarola, Maxim the Greek, Astrology, Italian Humanism, Sixteenth century Muscovy*

Светлана Сиднева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

lucia80@mail.ru

О проблемах и опыте перевода Слов преподобного Исаака Сирина с итальянского языка на русский язык

Труды аскета и богослова Исаака Сирина известны в русской традиции по переводам на славянский язык Паисия Величковского, а также более поздним переводам на русский. В их основе лежал не сирийский оригинал, а греческая редакция, что привело к некоторым расхождениям с первоначальным текстом. Данный доклад посвящен проблемам перевода на русский язык итальянского варианта «Постнических слов», которые в свою очередь были переведены непосредственно с сирийского М. Галло и П. Беттиоло.

Ключевые слова: *перевод, русский язык, итальянский язык, Исаак Сирин.*

По количеству переводов на различные языки, как древние, так и современные, а также по разнообразию редакций труды сирийского богослова и аскета Исаака Сирина можно отнести к «бестселлерам» духовной литературы.

Прежде чем говорить о своем опыте перевода первого тома «Подвижнических слов» преподобного Исаака Сирина с итальянского языка на русский язык, стоит кратко обрисовать историю их переводов на русский и итальянский язык.

В основу русских переводов легла греческая редакция текста «Постнических слов» Исаака Сирина, осуществленная монахами лавры Святого Саввы Освященного в Палестине Авраамием и Патрикием на рубеже VIII-IX вв. Однако выполнялись эти переводы «с оглядкой» на славянский перевод прп. Паисия Величковского (XVIII в.). Именно таким принципом руководствовался, например, профессор Московской Духовной академии С.И. Соболевский, который в 1911 году представил очередную версию перевода «Слов» с греческого на русский язык, придав ей некоторую литературную

обработку и постаравшись, по возможности, разъяснить «темные места». Но в распоряжении ученого имелись также сирийские фрагменты текста, пусть даже в немецком и латинском переводе.

Хотя плод труда палестинских иноков упрекают за неполноту, «неправильные и темные слова», композиционное несоответствие сирийскому оригиналу, он был довольно продуктивен в переводческой традиции. Переведенный на латынь, предположительно, в XII-XIII вв., этот текст лег и в основу одной из итальянских редакций первого собрания «Слов» Исаака Сирина, которая даже несколько раз переиздавалась Академией делла Круска как образец хорошо выстроенного риторического произведения и «эталон чистоты итальянской речи» [ПЭ]. Однако этот факт подтверждает некоторую литературную обработку итальянского текста и его удаление от оригинала. Что касается текста, опубликованного итальянскими специалистами по восточным языкам и истории Восточной церкви Паоло Беттиоло и Марией Галло, он был переведен на современный итальянский язык непосредственно с сирийского. Местами его можно охарактеризовать как образец стройного литературного текста, местами он все же отличается некоторой нестройностью и не избавлен от предполагающих разночтения и сложности фрагментов.

Итак, в данном случае переводчик подобного текста сталкивается с теми же проблемами, что и предшественники, которые переводили «Слова» Исаака Сирина на русский язык с «вторичного» текста. Не обладая сирийским оригиналом и знанием сирийского языка, переводчик должен полагаться на предполагаемую точность итальянского перевода. Особенно остро эта проблема стоит при переводе некоторых сложных понятий, семантически и синтаксически многозначных фрагментов.

В качестве примера сложного места достаточно привести первый абзац 1-го Слова (в итальянском издании оно идет без заглавия, в русских вариантах озаглавлено как «Об отречении от мира и о житии монашеском»):

Il principio della virtù è il timore di Dio, che, come è detto, è progenie della fede. Esso è seminato nel cuore < dell'uomo > , quando l'uomo riposa il suo pensiero dalle distrazioni del mondo, per racchiuderne i moti vaganti entro i balenì delle considerazioni relative alle realtà future. [Isacco di Ninive 1984: 43].

Ниже приведем пока «неуклюжий» дословный перевод с максимальным сохранением структуры и всех слов итальянской фразы:

Начало добродетели есть страх Божий, который, как сказано, — порождение веры. Он посеваётся в сердце <человеческом>, когда человек устраняет свой ум от мирских хлопот, чтобы собрать его рассеянные блуждания в проблесках размышлений о будущей действительности (в озарениях мысли о будущем, в свете размышлений о будущем?).

Синтаксически-семантической двусмысленностью обладает итальянское слово «entro», которое может быть союзом «во время, в течение» или

* Достаточно процитировать «нелестный отзыв» святителя Филарета Московского о переводческих трудах палестинских монахов, приведенный в книге митрополита Илариона (Алфеева): «Вероятно, переводчик был не из ученых, т. е. не знал грамматических правил, и потому мешал слова и вместо должного выражения ставил неправильные и темные слова, да и от переписчиков, может быть, вкрались ошибки и невероятности» [Иларион 2013: 47].

наречием «внутри, внутрь». В зависимости от этого меняется смысл предложения: смятение мысли приходит в порядок, когда человек размышляет о грядущем, или «парение» его мысли преобразуется в размышления о будущем?

В русских переводах* удается сохранить некоторую двусмысленность фрагмента, но в нем, как и в греческом тексте, отсутствует слово, которое переведено на итальянский как «balenii». Буквально итал. слово «balenio» обозначает «непрерывное сверкание молнии». В контексте можно перевести его как «озарения ума», «проблески», «прозрения», которых иногда можно достичь путем сосредоточения мыслей, их отстранения от земных дел, путем духовного труда и аскезы. Или речь идет о «непрерывном сиянии духовного размышления», «сокровенном свете»? Все эти понятия характерны для сирийского лексикона Исаака Сирина. Митрополит Иларион (Алфеев), переводивший второй том Слов с сирийского языка, приводит их как часто повторяющиеся: *sukkale* (прозрения, мысли), *nahhiguta* (озарение), *nuhra kasua* (сокровенный свет) [Иларион 2013: 65].

Итак, при выполнении перевода, с одной стороны, целесообразным представляется максимально близко следовать итальянскому тексту, с другой стороны — сверять с русскими и греческими переводами предшественников, особенно в местах, где они дословно совпадают. Это позволит выявить не только расхождения, но и их более точные фрагменты, что может быть интересно для изучения. Также стоит учитывать исследовательскую литературу, посвященную толкованию сложных мест текста и комментарии к переводам с сирийского языка.

Литература

Иларион 2013 — Иларион (Алфеев) Духовный мир преподобного Исаака Сирина. Москва, изд. Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013.

Исаак Сирин 2012 — **Исаак Сирин** Слова подвижнические. Симферополь, Издательство «Родное Слово», 2012.

ПЭ — Православная энциклопедия. Электронный ресурс: <http://www.pravenc.ru/text/674153.html> (дата обращения 18.12.2016)

Αββας Ισαακ ο Σύρος — Αββας Ισαακ ο Σύρος Λόγοι Ασκητικοί. Εκδότης: (Π. Προδρομος, Π. Ιακωβος) Γερα Μονη Ιβηρων, 2012.

Isacco di Ninive 1984 — *Isacco di Ninive* Lebbrezza della fede. Discorsi ascetici / 1 (traduzione, introduzione e note a cura di M. Gallo e P. Bettio), Roma, Città Nuova, 1984.

* Страх Божий есть начало добродетели. Говорят, что он — порождение веры и посеивается в сердце, когда ум устранен от мирских хлопот, чтобы кружащиеся от парения мысли свои собрать ему в размышлении о будущем восстановлении [Исаак Сирин 2012: 7]. Ο φόβος του Θεού αρχή ἐστί τῆς ἀρετῆς. Λέγεται δε εἶναι γέννημα τῆς πίστεως καὶ σπεῖρεται ἐν τῇ καρδίᾳ, ὅταν ἀποχωρισθῇ ἡ διάνοια ἀπὸ τοῦ περισπασμοῦ τοῦ κό-σμου, τοῦ συνάξει τὰς νοήσεις αὐτῆς, τὰς ρεμβομένας ἐκ τοῦ μετεωρισμοῦ, ἐν τῇ ἀδολεσχίᾳ τῆς μελλούσης ἀποκαταστάσε-ως [Αββας Ισαακ ο Σύρος 2012].

Svetlana Sidneva

Lomonosov Moscow State University, Russia
lucia80@mail.ru

About some problems and experience of translation of the Discourses of St. Isaac the Syrian, from Italian into Russian

The discourses of St. Isaac the Syrian are known in the Russian tradition as translations into Slavic of Paisius Velichkovsky, as well as more recent translations into Russian. The base of these translations is not the original Syrian text, but the Greek revision that caused some inconsistencies. My report focuses on some problems of the Russian translation from the Italian version of “Ascetic discourses”, which have been translated directly from the Syrian by M. Gallo P. Bettio.

Key words: *translation, Russian, Italian languages, St. Isaac the Syrian*

References

Ilarion 2013 — Ilarion (Alfeev) Dukhovnyi mir prepodobnogo Isaaka Sirina. Moskva, izd. Moskovskoi Patriarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2013.

Isaak Sirin 2012 — *Isaak Sirin Slova podvizhnicheskie*. Simferopol', izdatel'stvo «Rodnoe Slovo», 2012.

PE — Pravoslavnaya entsiklopediya. Elektronnyi resurs: <http://www.pravenc.ru/text/674153.html> (data obrashcheniya 18.12.2016)

Ἀββας Ἰσαακ ὁ Σύρος — *Ἀββας Ἰσαακ ὁ Σύρος Λόγοι Ἀσκητικοί*. Εκδότης: (Π. Προδρομος, Π. Ἰακωβος) Ἱερα Μονη Ἰβηρων, 2012.

Isacco di Ninive 1984 — *Isacco di Ninive L'ebbrezza della fede. Discorsi ascetici / 1* (traduzione, introduzione e note a cura di M. Gallo e P. Bettio), Roma, Città Nuova, 1984.

Красимир Станчев

Римский университет «Рома Тре», Италия
krassimir.stantchev@uniroma3.it

Славянское рукописное наследие в Италии: каталогизирование и исследование

Доклад включает рассмотрение проблем, связанных с изучением и систематизацией славянских рукописных книг, хранящихся в собраниях под юрисдикцией Ватикана.

Ключевые слова: *Ватикан, славянское рукописное наследие, каталогизация*

В докладе рассматриваются проблемы изучения славянского рукописного наследия, сохранившегося на территории Италии, включенного в собрания под юрисдикцией Ватикана. Эти проблемы связаны с выявлением и инвентаризацией рукописного наследия, составлением подробных каталогов и описей, отражающих исследования рукописных собраний на более высоком уровне, а также с изданием и детальным изучением самых

важных памятников. Исследование охватывает сороколетний период с момента появления в 1978 г. первого инвентаря славянских рукописей в Италии, подготовленного М. Капальдо и включающего в себя 130 кодикологических единиц. Прослеживается работа по систематическому обнаружению славянских рукописей и самостоятельных фрагментов, которых к настоящему моменту в Италии в 26 хранилищах 18 городов насчитывается 215. Кратко в докладе отмечаются достижения в изучении и публикации отдельных памятников и очерчиваются перспективы дальнейшей работы в этом направлении.

Krassimir Stantchev

Roma Tre University, Italy

krassimir.stantchev@uniroma3.it

Cataloging and Studying the Slavic Manuscript Heritage in Italy

This report examines the challenges posed by the Slavic manuscript heritage preserved in Italy, including in collections under the jurisdiction of the Vatican.

Key words: *the Vatican, Slavic manuscript books, cataloguing*

Мария Кьяра Ферро

Университет г. Пескара, Италия

mariferro76@yahoo.it

Об эволюции образа святой княгини Ольги в письменной традиции XII—XVII вв.

Автор предлагает рассматривать летописные, гимнографические и агиографические тексты, посвящённые княгине Ольге, как макротекст, заключающий в себе разносторонний взгляд на существенные изменения в восприятии личности княгини и её деятельности: поначалу как жестокой правительницы, отдающей вероломный приказ уничтожить древлян, затем как первой христианской княгини Древней Руси, сопровождающей свой народ на его пути к вере.

Ключевые слова: *агиографическая топика, образа святой княгини Ольги, письменная традиция XII-XVII вв., княжеские жития*

В то время как интерес учёных ко времени правления Ольги не ослабевает, продолжают исследования посвящённой ей книжной письменной традиции, сосредоточенные на анализе композиционных особенностей произведений и средств создания идеального образа княгини.

В данном контексте автор предлагает рассматривать летописные, гимнографические и агиографические тексты, посвящённые княгине Ольге как макротекст, заключающий в себе разносторонний взгляд на существенные

изменения в восприятии личности княгини и её деятельности: поначалу как жестокой правительницы, отдающей вероломный приказ уничтожить древлян, затем как первой христианской княгини Древней Руси, сопровождающей свой народ на его пути к вере.

Предметом сопоставительного анализа произведений корпуса перенумерованных текстов выделяется процесс эволюции способа подачи информации о кн. Ольге — от историко-биографического рассказа до агиографического текста — под влиянием следующих тематических ядер: теологии крещения, сравнения с равноап. Еленой и характерных для княжеских житий мотивов, принадлежащих к *typos marianus* агиографических топосов, по большей части опирающихся на мотив уподобления Богоматери. Исследование ведется по следующим источникам: Акафист Богоматери [<http://orthlib.ru>], Канон «на успение преподобныя княгини Ольги, бабы Владимира» Кирилла Турского [Никольский 1907: 88–94], летописные тексты из «Патряршей (Никоновской) летописи» под 6463–6477гг. [ПСРЛ 1862: 29–35], «Преставление и похвала благоверной кн. Ольги...» [Серебрянский 1915: 12–13], Проложное житие благоверной кн. Ольги в юго-славянских списках [Там же: 6–7], Проложное житие благоверной кн. Ольги в северно-славянских списках [Там же: 7–8], Проложное житие благоверной кн. Ольги в пространенной редакции [Там же: 8–12], Пространное житие благоверной кн. Ольги, Сказание о кн. Ольге, вошедшее в состав «Повести временных лет» под 945–969г. [ПСРЛ 1926: 68–69], Сказание о кн. Ольге, вошедшее в состав «Степенной книги царского родословия» [ПЛДР1985: 248–287], Слово на Рождество св. Богородицы [ВМЧ 1868: 363–379].

Литература

ВМЧ 1868 — ВМЧ. Сентябрь 1–15, СПб., 1868.

Никольский 1907 - Никольский Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907.

ПЛДР 1985 — ПЛДР, середина XVI века, М. 1985.

ПСРЛ 1926 — ПСРЛ. СПб., 1862 б. Т. 9, 1926

Серебрянский 1915 - Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, М. 1915.

Maria Chiara Ferro

University of Chieti-Pescara, Italy

mariferro76@yahoo.it

On the evolution of the image of saint Princess Ol'ga in the literary tradition of XII–XVII c.

In this paper the author proposes to consider the chronicle, hymnographic and hagiographic texts dedicated to Princess Olga as a macrotext, showing the evolution in the perception of the personality of the Princess and its actions: at first as a cruel ruler, treacherously giving the order to destroy the Drevlians, then as the first Christian Princess of Ancient Rus', guiding his people to faith.

Key words: *hagiographic topic, the image of saint princess Ol'ga, literary tradition of XII–XVII c., Princes lives.*

References

- VMCh 1868* — VMCh, Sentyabr' 1–15, SPb., 1868
Nikol'skii 1907 — N.K. Nikol'skii N.K., Materialy dlya istorii drevnerusskoi dukhovnoi pis'mennosti. SPb., 1907. S. 88–94 (http://krotov.info/acts/12/2/kirill_tur_02.htm#34).
PLDR 1985 — PLDR, seredina XVI veka, M. 1985.
PSRL 1926 — PSRL, M. 1926, T. 1.

Ирена Шпадиер

Белградский университет, Сербия

i.spadijer@gmail.com

Произведения древнесербской литературы в хиландарской рукописи XVIII века — цель и смысл

В собрании рукописей Хиландарского монастыря на Афоне хранится одна рукопись (Хил. 505), написанная в конце XVIII в. на церковнославянском (русскославянском) языке, которая содержит средневековые произведения, посвященные сербским святым. В работе рассматривается контекст и причины возникновения данного кодекса — выбор произведений, возможные образцы (изводы, источники) и отношение к старейшей сербскославянской языковой традиции, а также смысл существования такого сборника в наступавшие времена.

Ключевые слова: *Сербляк, Феодосий Хиландарец, Доментиан, св. Савва, князь Лазарь.*

В древнесербской рукописной традиции названием «Сербляк» обозначались преимущественно гимнографические сборники, содержащие службы сербским святителям, собранные в одном месте. На основании таких рукописных сборников, а прежде всего, *Раковацкого Сербляка* (1714)^{*1}, возникли первые печатные Сербляки в XVIII в. — Сербляк арадского владыки Синесия Живановича, так называемый *Римницкий Сербляк* [Сербляк 1761], который в 1765 г. переиздан в Венеции в типографии Дмитрия Феодосия [Трифунувић 1970: 10–11; Михаиловић 1964: 55–57, 78–79]. Сотню лет спустя митрополит Михаило выпустил так называемый *Белградский Сербляк* [Сербляк 1861]. В XX в. вышло трехтомное двуязычное издание всех известных сербских служб [Сербляк 1970], а затем — издание, которое выпустил епископ (впоследствии — сербский патриарх) Павле [Сербляк 1986].

В собрании рукописей Хиландарского монастыря, наряду с одной рукописью (Хил. 287), которая, очевидно, переписана из *Римницкого Сербляка*, находится несколько кодексов, именующихся «Сербляками», и они содержат не только гимнографические, но и агиографические и риторические произведения, посвященные сербским святым (Хил. 479, 505 и 509). Одна из рукописных книг, относящаяся к концу XVIII в., и является предметом данной работы.

Речь идет о рукописи Хил. 505, написанной на бумаге и содержащей 297 листов размером 290 x 200 мм. По филиграням она восходит к концу XVIII в. (три шляпы, подобно M. Negrini D XIX/1 — 1780 г., а инициалы GF под. Nik.

* Раковацкий Сербляк ныне утерян, а первым его описал П. Й. Шафарик [Šafarik 1865: 197–198].

589 б — 1775/1776 до 708–1789 г.). Писана она полууставом и курсивом конца XVIII в. на церковнославянском языке. По составу рукопись является сборником сербских житий и гимнографических произведений [Богдановић 1978: № 505; Турилов, Мошкова 1999: № 789]. Передаем ее содержание:

л. 1а *Житие святого Саввы Сербского* Феодосия Хиландарца: **Житіе и подвизы еже в пѣстыни своимъ о(ть)емъ, и особъ хожденіа, и шчасти чудесъ і повѣданіе, иже во с(ве)тыхъ о(ть)ца нашегѣ саввы, первагѣ архіеп(и)ск(о)па и оучителѣ сербскагѣ. сказаннѣ пр[ѣ]п[о]д[о]бнымъ доментіаномъ инокомъ и пресвитеромъ м(о)н(а)стыра хиландарѣ нарицаемагѣ, списано же ѿеодосіемъ мнихомъ тогожде монастыра.**

л. 106а *Житие святого Симеона Сербского* Доментіана: **М(ѣ)с(а)ца фебрѣаріа въ .г҃і. день житіе и жизнь пр[ѣ]п[о]д[о]бнагѣ о(ть)ца нашегѣ смемна сербскагѣ новагѣ мѣроточца и великагѣ чѣдотворца. вл(а)гословыи о(ть)че прочитати:**

л. 167а *Похвала святому Симеону и святому Савве* Феодосия: **Тогожде ѿеодосія монаха слово похвалное с(ве)тымъ и преподобнымъ нашимъ смемнѣ и с(ве)тителю савѣ оучителѣмъ сербскимъ.**

л. 185а *Житие архиепископа Арсения Сербского*: **Житіе иже во с(ве)тихъ ш(ть)ца нашегѣ арсенія архіеп(и)ск(о)па сербскагѣ.**

л. 205а *Слово о святом князе Лазаре* Андония Рафаила Епактита: **Вѣрше мыслныи похвалныи рети слозы высокѣпреложителномѣ иже в мѣченицѣхъ новомѣ лазарю князю. и ш принесеній мошеи егѣ.**

л. 221а *Слово о святом князе Лазаре* неизвестного автора: **М(ѣ)с(а)ца ишніа в пятыйнадесять день. слово ш вл(а)женнѣмъ и приснопоминаемомъ великомъ кн(я)зѣ лазарѣ сербскомъ, и иже с нимъ извѣннѣхъ православныхъ шт нечестивѣхъ агарянѣ, и ш части житія его воспомянѣтїе, и ш страданій егѣ, и мошеи пренесеній. вл[а]д[ы]ко влгослови.**

л. 230а *Житие святого Петра Коришского* Феодосия Хиландарца: **М(ѣ)с(а)ца ишніа в двадесять седмый день, житіе и жизнь с(ве)тагѣ, пр[ѣ]п[о]д[о]бнаго, и б(о)гноснагѣ о(ть)ца нашегѣ петра, иже во фостнѣ корышкомъ постившагѣ. о(ть)че вл(а)г(о)с(ло)ви.**

л. 247а *Каноны святому Симеону и святому Савве* на восемь гласов Феодосия Хиландарца: **Теодосіемъ инокомъ и пресвѣтеромъ монастыра нарицаемаго хиландарѣ, списавшаго сїи канѣны. с(ве)томѣ смемнѣ, новомѣ мѣроточцѣ. и с(ве)тителю савѣ, оучителемъ сербскимъ. Похвала пр[ѣ]п[о]д[о]бномѣ смемнѣ, и вл(а)годарная писнь с(ве)тителю савѣ.**

На л. 279а кодекса находится запись 1829 г.:

*Здѣ во святѣй горѣ авонстѣй страшно бысть землетрясеніе на святагѣ великомѣченика Георгія априліа 23го числа и ва всей здѣ околнія страны, за веліе чудо и удивленіе. шт нынѣ да сохранишь Господь такового страха и ужаса. Во 8м часѣ дне бысть 1829 г. Азь послѣдни рабъ и паче всѣхъ грѣшинѣишій Іларіоннѣ Сербинѣ.**

На основании анализа контекста — выбора литературных произведений в Хил. 505, их возможных образцов (изводов, источников) и отношений к старейшей сербскославянской языковой традиции — в работе предпринята попытка разъяснить смысл существования данного сборника в хиландарском рукописном собрании. Время и условия, которые окружали сербскую царскую лавру на Афоне в конце XVIII в., требуют комплексного отношения

* Содержание и кодекс переданы в соответствии с: Шпадијер 2014: 115–116.

к национальному прошлому, с одной стороны, а с другой — актуализируют наиболее значительные личности сербской средневековой истории, которым посвящаются произведения в Хил. 505 (святой Симеон, святой Савва, князь Лазарь и др.). Эти личности прославляются в нем на новом (руссославянском) церковном языке*, а несколько десятилетий спустя они становятся символом борьбы за национальное освобождение и фундаментом нового сербского государства.

Литература

Богдановић 1978 — Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978.

Михаиловић 1964 — Михаиловић Г. Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964.

Morabito 2001 — Morabito R. Tradizione e innovazione linguistica nella cultura serba del XVIII secolo // ed. Laboratorio di comparatistica, Dipartimento di Linguistica e Letterature comparate. Università di Cassino, 2001.

Сербляк 1761 — ПРАВИЛА МОЛЕБНАА С[ВА]ТЪХЪ СЕРБСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕИ (Римницкий Сербляк). [Римник] 1761.

Сербляк 1861 — Серблякѡ. Въ Бѣлградѣ, 1861 (*Белградский Сербляк*).

Сербляк 1970 — Србљак. Службе, канони, акатисти. *Приредило Трифуновић Ђ., превео Богдановић Д.* // Књига прва, Књига друга, Књига трећа. Београд, 1970.

Сербляк 1986 — Србљак. *Припремио и уредио Епископ рашко-призренски Павле.* Београд, 1986.

Трифунѡвић 1970 — Трифуновић Ђ. Стара српска црквена поезија // О Србљаку. Студије. Београд, 1970, С. 9–93.

Турилов, Мошкова 1999 — Славянские рукописи афонских обителей. *Составили Турилов А. А. и Мошкова Л. В., под редакцией Тахиаоса А.-Э.* Фессалоники, 1999.

Šafarik 1865 — Šafarik P. J. Geschichte der serbischen Literatur. Prag, 1865.

Шпадијер 2014 — Шпадијер И. Свети Петар Коришки у старој српској књижевности. Београд, 2014.

Irena Špadijer

University of Belgrade, Serbia

i.spadijer@gmail.com

The Works of Old Serbian Literature in the 18th Century Chilandar Manuscript — Their Purpose and Meaning

A manuscript (Chil 505), written in the Russian-Slavonic language at the end of the 18th century, is preserved in the manuscript collection of the Chilandar Monastery. It contains medieval texts dedicated to Serbian saints. The paper looks at the context and reasons for the creation of this Codex - the selection of works, possible templates (sources) and the relationship with the Serbian-Slavonic language tradition, as well as the significance and purpose of such miscellany in the years to come.

Key words: *Srbļjak, Theodosius of Chilandar, Domentian, St. Sava, prince Lazar.*

* О языке у сербов в XVIII в. см., кроме прочего: Morabito 2001.

References

- Bogdanovih 1978** — Bogdanovih D. Katalog hirilskih rukopisa manastira Khilandara. Beograd, 1978.
- Mikhailovih 1964** — Mikhailovih G. Srpska bibliografija KhVIII veka. Beograd, 1964.
- Morabito 2001** — Morabito R. Tradizione e innovazione linguistica nella cultura serba del XVIII secolo // ed. Laboratorio di comparatistica, Dipartimento di Linguistica e Letterature comparate. Università di Cassino, 2001.
- Serblyak 1761** — PRAVILA MOLEBNAА S[VA]TYKh”” SERBSKIKh”” PROSV’BTIT-ELEI (Rimnitskii Serblyak). [Rimnik] 1761.
- Serblyak 1861** — Serblak” V” Bѣlgradѣ, 1861 (Belgradskii Serblyak).
- Serblyak 1970** — Srblak. Sluzhbe, kanoni, akatisti. Priredio Trifunovih Ђ., preveo Bogdanovih D. // Књига прва, Књига друга, Књига трећа. Beograd, 1970.
- Serblyak 1986** — Srblak. Pripremio i uredio Episkop rashko-prizrenski Pavle. Beograd, 1986.
- Trifunovih 1970** — Trifunovih Ђ. Stara srpska tsrkvena poezija // O Srblaku. Studije. Beograd, 1970, S. 9–93.
- Turilov, Moshkova 1999** — Slavyanskie rukopisi afonskikh obitelei. Sostavili Turilov A. A. i Moshkova L. V., pod redaktsiei Takhiaosa A.-E. Fessaloniki, 1999.
- Šafarik 1865** — Šafarik P. J. Geschichte der serbischen Literatur. Prag, 1865.
- Shpadijer 2014** — Shpadijer I. Sveti Petar Korishki u staroj srpskoj kњizhevnosti. Beograd, 2014.

Мария Шульга

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
shoulga@mail.ru

Синтетизм как вектор развития грамматической системы русского языка

В докладе комментируется тот путь, который на протяжении обозримого исторического периода прошла морфологическая система русского языка, явив при этом возможности синтетизма. Это формирование новых частей речи; формирование новых грамматических категорий; развитие новых грамматических значений; развитие арсенала синтетических грамматических средств на основе аналитических и словообразовательных средств.

Ключевые слова: типология языка, аналитические и синтетические тенденции в развитии языка

По способам выражения грамматических значений — соединению в одном слове лексических и грамматических значений — современный русский язык характеризуется как язык с выраженной синтетичностью.

Мы напомним здесь тезисно о том пути, который на протяжении обозримого исторического периода прошла морфологическая система русского языка, явив при этом возможности синтетизма. Это формирование новых частей речи (1); формирование новых грамматических категорий (2); развитие новых грамматических значений (3); развитие арсенала синтетических грамматических средств (4).

1. Разграничение предметных и признаков слов в ранней грамматической системе осуществлялось по принципу аналитических языков. *Добро, лихо, право* склонялись одинаково и употреблялись в соответствии с синтаксической позицией - как определяемые и как определяющие. Формирование

прилагательного как особой части речи и его противопоставления имени существительному происходило как преобразование аналитических форм в синтетические: слияние именных форм с местоимением *и*: *добръ+и* → *добрыи*, *добро+и* → *доброю*, *добра+я* → *добрая*.

История формирования на лексической основе счетных слов и словосочетаний особой части речи — имени числительного — это большая созидательная работа грамматической системы и актуализация разнообразнейших синтетических средств.

На протяжении веков на месте стандартных именных парадигм — местоимений (*дѣва*, *оба*), прилагательных (*триѣ*, *четыре*) и существительных женского рода (*пять*, *шесть*, *седмь*, *осмь*, *девять*), мужского рода (*десять*, *сорокъ*), среднего рода (*сто*) вырабатываются новые уникальные парадигмы: *двухъ*, *трехъ*, *четырехъ*; *ста*, *сорока*; появляются новые флексии: *двумя*, *тремя*, *четырьмя*; появляется новый комплекс грамматических категорий — изменение по падежам; отсутствие изменения по числам и родам.

На основе сочетаний с разнотипными синтаксическими связями пополняется лексический состав новой части речи: *одинъ на десяти* → *одиннадцать*; *дѣва* / *дѣвь на десяти* → *двѣнадцать*; *триѣ* / *три на десяти* → *тринадцать*; *четыре* / *четыри на десяти* → *четырнадцать*; *пять на десяти* → *пятнадцать*; *дѣва десяти* → *двадцать*; *триѣ десяти* → *тридцать*; *пять десяти* → *пятьдесят*.

В современных грамматических описаниях история числительных рассматривается как явный случай укрепления аналитизма, упрощения системы склонения [Гловинская 2008]. При этом имеется в виду, что у числительных постепенно формируется двухпадежная парадигма, включающая только противопоставление формы прямых падежей форме косвенного падежей: *сто* - *ста*. Действительно, в современном языке система падежных оппозиций у числительных *сорок* и *сто* стала проще даже по сравнению с системой XIX в. Но можно ли при этом говорить об упрощении грамматической системы, о проявлении тенденции к аналитизму? На наш взгляд, это упрощенный, арифметический, подход к проблеме. Ведь парадигмы, в которые входили слова *сорок* и *сто*, остались, а в системе языка появилась совершенно две новые парадигмы, уникальные. Они дополнили имеющийся набор словоизменительных парадигм, то есть дополнили систему синтетических форм современного русского языка. На наших глазах формируется еще одна специфическая парадигма: особая система форм у количественного существительного *тысяча* со специфической для парадигмы на *-а* флексией Т. падежа *-ью*: *тысячью*.

В истории имени числительного (вплоть до наших дней) нет места проявлениям аналитизма. Напротив, здесь представлены синтетические усилия и разнообразнейшие синтетические возможности языковой системы. Результатом этих усилий и явленных новых возможностей стало развитие и усложнение грамматической системы, а не ее упрощение.

2. В системе форм существительных сформировалась новая грамматическая категория — категория одушевленности / неодушевленности. Она имеет регулярный и обязательный характер и выражается синтетическими средствами — через оппозицию падежных форм.

На утрату сложной системы глагольных форм ссылаются как на отправную точку аналитических тенденций в развитии русского глагола. Здесь упускают из виду, что были утрачены не только синтетические глагольные формы (аорист, имперфект), но и аналитические формы (перфект, плюсквамперфект).

При этом появились новые синтетические временные формы — форма будущего времени типа *напишу* и форма прошедшего времени *написал*.

Указывают также на аналитический способ выражения значения лица в системе современных глагольных форм прошедшего времени глагола: *я писал*. Но этот аналитический способ заместил аналитическую же древнюю форму *писалъ есмь*, он не повлиял на соотношение аналитических и синтетических глагольных средств.

При этом не замечают тот факт, что важнейшее место в системе форм современного глагола составляют грамматические категории вида и залога. Именно эти категории (и только они) охватывают все многообразие глагольных форм. Грамматические значения вида и залога выражены синтетически в каждой глагольной форме.

3. В системе именных форм сформировались новые грамматические значения на основе синтетических способов. У существительных это родительный принадлежности, обозначающий лицо, которому принадлежит что-либо (сынъ *Ярославль* → сынъ *Ярослава*); родительный партитивный (сорта *чая* — чашка *чая / чаю*); местный падеж на -у, противопоставленный другим значениям предложного падежа (*о льсть* — *въ льсу*). У местоимений это форма третьего лица *онъ, оно, она* и притяжательные формы *его, ее, их*. У прилагательных — форма превосходной степени. У глаголов — форма будущего времени.

Унификацию субстантивных парадигм (формирование современных трех склонений на базе шести типов именных основ) обычно рассматривают как бесспорный пример развития аналитизма. Однако здесь можно говорить только о сокращении синонимии синтетических средств, о движении в сторону агглютинации, но не аналитизма. Падежные значения по-прежнему выражаются синтетическими средствами. И даже развитие предлогов не замещает синтетические способы выражения падежных значений — оно служит их дифференциации.

4. Набор грамматических средств в языке весьма ограничен. Расширение состава синтетических средств, формирование новых синтетических средств на базе аналитических и словообразовательных элементов очень показательны для характеристики вектора развития грамматической системы.

Перечислим некоторые новые или функционально переосмысленные средства синтетического арсенала:

- местоимение *и* трансформируется в падежную флексию при формировании прилагательных как части речи; при этом оно сохраняется и как собственно местоименная форма; местоимение *ся* трансформируется в аффикс, оформляющий значения залога;
- новые, не известные ранее окончания возникают при формировании числительного как части речи;
- новые парадигмы формируются при становлении числительного как части речи;
- падежная оппозиция получает статус основного средства выражения грамматических значений категории одушевленности / неодушевленности;
- приставки становятся средством выражения значений совершенного вида и будущего времени; суффиксы становятся средством формирования противопоставления глаголов по виду;
- морфонологические чередования широко используются в выражении видовых отношений;
- новые функции появляются у подвижного ударения, формируется тенденция к «колонности» ударения при противопоставлении форм ед. и мн. числа существительных.

Следовательно, русский язык существенно расширил свои синтетические возможности.

Отправной точкой для рассуждений о росте аналитизма в грамматическом строе современного русского языка является представление о том, что «категории полных слов стабильны», а «разряды формальных слов подвижны, активно развиваются, пополняются. Соответственно развиваются, усложняются аналитические формы полных слов» [Лекант 2014: 205]. Варианты: увеличивается удельный вес неизменяемых форм по сравнению с изменяемыми, предложных конструкций по сравнению с беспредложными и под.

Уроки исторической грамматики не дают ни малейшего повода говорить о стабильности по отношению к изменяемым частям речи. Напротив, они свидетельствуют об активном развитии грамматических значений, категорий и форм, о формировании в русском языке новых грамматических средств, синтетических по своей структуре.

Параллельное существование в системе языка и даже развитие новых аналитических форм еще не свидетельствует о тенденции к аналитизму как к вектору развития грамматической системы языка.

Литература

Гловинская 2008 — Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М. 2008.

Лекант 2014 — Лекант П.А. Рост аналитизма в грамматическом строе современного русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы V Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2014.

Mariia Shulga

Lomonosov Moscow State University, Russia

shoulga@mail.ru

Synthetism as a Russian Grammar Development Thrust

In this report we comment on the way the Morphological system of the Russian language passed through an observable historical period revealing at the same time possibility of synthetism. The latter manifests itself in the formation of new word classes; the formation of new grammatical categories; creation of new grammatical meanings; development of the arsenal of some synthetic grammatical means on the basis of analytic and word-building patterns.

Key words: *language typology, analytic and synthetic tendencies in the evolution of a language.*

References

Glovinskaya 2008 — *Glovinskaya M.Ya. Aktivnye protsessy v grammatike // Sovremennyyi russkii yazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov. M. 2008.*

Lekant 2014 — *Lekant P.A. Rost analitizma v grammaticheskom stroe sovremennogo russkogo yazyka // Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. Trudy i materialy V Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelei russkogo yazyka. M., 2014.*

Оглавление

Н. Ананьева (Россия, Москва) <i>Ars moriendi</i> и <i>ars vivendi</i> в средневековых польских памятниках («Разговор магистра Поликарпа со смертью», «Жалобы умирающего», «Легенда о св. Алексее»)	2
Г. Баранкова (Россия, Москва) Оригинальное и заимствованное в творчестве Кирилла Туровского	5
М. К. Брагоне (Италия, Павия) Два перевода Петровского времени сочинения <i>Historia Alexandri Magni regis Macedonum</i> Квинта Курция Руфа	8
А. Вранеш, Л. Маркович (Сербия, Белград) Словенски 18. век у библиографији Георгија Михаиловића	10
А. Журавель (Германия, Галле) Новый фрагмент текста «Книги Паломник» Антония Новгородского	12
Н. Запольская (Россия, Москва) «Имманентная» грамматика церковнославянского языка XI–XVII вв.: семантика и идеосемантика	14
О. Зиберт (Германия, Галле) Лингвистический и текстологический анализ «Наставления къ Священному Писанию» (1734) при помощи компьютерных технологий	16
А. Золтан (Венгрия, Будапешт) О некоторых лексических особенностях Няговских поучений	19
Ф. Курпрънович (Польша, Варшава) Преп. Паисий (Величковский), Оптина Пустынь и Творения Святых Отцов	23
М. Лявинец-Угрин (Венгрия, Будапешт) К истории книги Михаила Лучкая <i>Grammatica slavo-ruthena</i> (1830)	25
И. Макеева (Россия, Москва) «Слово о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского в контексте русской книжности	28
С. Менгель (Германия, Галле) Проблематика идентификации текстов «простого» русского языка (некоторые теоретические размышления)	31
Е. Мишина (Россия, Москва) Об особенностях употребления нестандартных глагольных форм в древнерусских нарративных текстах	34
М. Новак (Россия, Казань) Фрагменты толкований на Деяния в Толстовском Апостоле XIV в.: новые данные	37
Е. Остапчук (Польша, Варшава) Врачанское Евангелие и его издание Б. Цоневым в 1914 году	40
П. Петрухин (Россия, Москва) Конструкция <i>‘быть с причастием настоящего времени’</i> в древнерусских и среднелатинских текстах	42
А. Плотникова (Россия, Москва), Ольга Трефилова (Россия, Москва) Старообрядческий исповедальник Латгалии: лингвокультурный анализ текста	43
Н. Пуминова (Россия, Москва) Дискуссии о форме таинств в православно-католическо-униатской полемике в Речи Посполитой в 40-е годы XVII века	46
Ф. Ромоли (Италия, Пиза) Полемика против астрологии Максима Грека и ее западные источники	49
С. Сиднева (Россия, Москва) О проблемах и опыте перевода Слов преподобного Исаака Сирина с итальянского языка на русский язык	50
К. Станчев (Италия, Рим) Славянское рукописное наследие в Италии: каталогизирование и исследование	53
М.К. Ферро (Италия, Пескара) Об эволюции образа святой княгини Ольги в письменной традиции XII–XVII вв.	54
И. Шпадиер (Сербия, Белград) Произведения древнесербской литературы в хиландарской рукописи XVIII века — цель и смысл	56
М. Шульга (Россия, Москва) Синтетизм как вектор развития грамматической системы русского языка	59

Седьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения.
Тезисы. — М.: «Индрик», 2017. — 64 с.

ISBN 978-5-91674-431-6

© Оформление, Издательство «Индрик»

